

An abstract painting with a dark, moody atmosphere. The background is a mix of dark blues, blacks, and greys, with some lighter, more vibrant colors like reds, yellows, and greens. The brushstrokes are thick and expressive, creating a sense of movement and texture. The overall composition is dense and layered, with various colors and forms overlapping each other.

Татяна Торохова
Встреча

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Горохова

Встреча

«Автор»

2026

Горохова Т.

Встреча / Т. Горохова — «Автор», 2026

Герои встречаются на рубеже 90-х. Их взросление проходит в России и Германии. Автор ставит перед читателем вопрос: А умеет ли человек любить?

© Горохова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Горохова

Встреча

Глава

Роман

«Встреча»

«Роман с романтикой - хворь или сон

Жизнь как цитата, взятая в кавычки...»

Дмитрий Цесельчук

Пролог

-- Любовь моя, любовь моя... Во сне она услышала родной голос и открыла глаза. Голос уколол ее прямо в сердце и она почувствовала реальность. Вера перевернулась, уткнулась лицом в Сережину грудь и так они лежали, обнявшись и замерев и ни о чем не думая. Вере еще казалось, что она едет в горизонтальном прозрачном лифте по небу и смотрит вниз на зеленые поля, леса и крошечные коричневые домики. Она любила такие путешествия, до такой степени, что даже не хотела просыпаться. Только голос позвал ее и ранил, и это было лучше, чем сон.

-- Сережка, слушай, сколько времени-то? Уже ночь, да? Давай включим свет! Вера перелезла через Сергея и подошла к столу. Будильник показывал 12.00.

-- Ничего себе, полночь. А как это мы с тобой одновременно проснулись?

-- Инстинкт. Давай, иди скорей в кровать, что ты там одиноко стоишь у окна? Вера также осторожно перелезла через длинноногого мужчину и пригелась у него под мышкой.

-- А сколько нам еще спать, Сереж?

-- Всю жизнь. Он погладил ее по голове, и одновременно почувствовал острую нежность к этой женщине, которая пока еще не была его женой.

-- Ну иди сюда, моя глупая Марфутна. Вера легла на Сергея, и они поплыли по небу уже вместе, несмотря на время.

Часть 1 Случайностей не бывает

На даче у Палыча

Вера Лебедева любила приезжать на дачу к Палычу. И самого Палыча она любила. Давно. Еще с того самого дня, когда он впервые появился в их Фотолаборатории. Они возвращались вместе с дачи и сели не на ту электричку. А потом вышли на станции «Софрино» и пока ждали нужную, нашли на помойке два роскошных стула с высокими спинками. Наверное, какой-то козел выбросил их из своей «усадьбы». Стулья были добротно сделаны из хорошего дерева, обиты мягкой зеленой кожей. Они благополучно довели стулья до Москвы и торжественно внесли в Лабораторию. Причем на один сел сразу Палыч, а другой захватила Настя по праву жены. Но сотрудники недолго любовались дворянской роскошью. Стульчики быстро пере-

базировали на дачу, и теперь они стояли в почетном углу и на них лежала камера. Около плиты стояла Настя в короткой розовой ночнушке и зеленых бигудях и жарила оладьи к завтраку. На крыльце Михаил Палыч ремонтировал велосипед.

--Анастасия, ты за полчаса-то справишься? Смотри, Верка проснется, а ты в таком виде, она же с тебя пример берет...

--Уйди, черт лысый! Не лезь под руку.

Палыч задумчиво почесал свой действительно лысый череп. Никак он не мог понять, как это в его жене происходят перемены. То она мурлычет как котенок, а то такое отчебучит, что уши вянут. И вид у нее соответственный: то в рваных трусах по дому бегает, а то выйдет к гостям в длинном вечернем платье с высокой прической. Хоть стой, хоть падай. И стихи еще начнет читать. Михаил проверил сцепление и завинтил еще одну гайку. А к домику уже шла по-мальчишески коротко стриженная Вера в полосатом платье.

--Доброе утро,- Палыч пристально посмотрел на нее и облизнулся. Если б он был султаном, он имел бы всех одновременно, но третья укатила в Канаду счастья искать.

--Привет, Веруш. Палыч спустился с крыльца, взял насос, валявшийся в зеленой траве, и стал накачивать шины. Жара стояла страшная.

--Мы куда-то поедем после завтрака?

--На озеро. На Большие Карьеры. Должен еще Лялик приехать с Ирой и Вадим с Викой.

--А я сегодня «пас», у меня «гости», - крикнула Настя с террасы. Михаил в очередной раз удивился, как она умудряется так хорошо все слышать. 100% слух, да еще жаргонные словечки употребляет.

--Жратеньки подано. Ой, я извиняюсь господа, прошу всех к столу.

Настя поставила на стол большую деревянную миску с горячими картофельными оладьями и гордо удалилась в спальню. Через 5 минут она появилась в полупрозрачном темно-зеленом платье с длинным вырезом на груди и без рукавов. Настя умела подчеркнуть свою фигуру. Верочка села к столу и принялась лениво жевать оладьи. Вообще-то есть не хотелось. Хотелось спать. Последнее время она плохо стала засыпать, до часу ночи читала, а потом утром бежала на работу не выспавшаяся с больной головой и все думала и думала о том, возьмут или нет ее работы на выставку в Германию. Спать, конечно, желательно с кем-то, - додумала она мысль до конца. Только вот с кем?

--Ты о чем мечтаешь, Вер? Вот лучше выпей чаю горячего да отведай пряничка медового, - Мечтательница! - Настя откровенно рассмеялась.

--Ну не наезжай, не наезжай, - Палыч одной рукой потянулся за восьмой лепешкой, а другой придвинул к себе тарелку с колбасой.

--Мы сейчас быстренько сходим, позвоним.

--Куда - а еще?, - насторожилась жена.

--В Москву. Завтра заседание Совета.

--Завтра? Настя ойкнула, а у меня не готов Протокол и вообще...

--Гости. Понятно. Но ты соберись и пока мы будем купаться, подготовь дела. А я хлеба к обеду куплю.

--Пошли, Вер. Палыч вытер салфеткой масляные губы и вышел из-за стола.

На даче было чудесно. Особенно летом. У Палыча можно было все: висеть целый день в гамаке между березами, стрелять из настоящего пистолета в мишень, резаться до потери пульса в теннис, есть малину и черную рябину прямо с куста, собирать грибы прямо на участке, жечь костер и печь вкусную картошку, пить водку и приводить с собой друзей, загорать в шезлонге и гонять на велосипеде, не спать по ночам и считать звезды. Это была райская дача, да собственно и не дача вовсе, а просто кусок леса с двумя избушками на деревянных ножках, стоящими напротив друг друга. В одной летом жил Палыч с бесконечно меняющимися женами, другая

предназначалась для многочисленных гостей. На даче было все, что душе угодно, только не было телефона.

--А после того, как позвоним, сразу на озеро, да?

--Да.

--Тогда я возьму купальник, подожди. Вера легко взбежала по лестнице на второй этаж, бросила черный в белый горошек купальник в сумку и догнала Учителя уже у калитки.

--Куда идем-то? – тихо спросила она.

--Да тут, недалеко, на соседнюю улицу. Позвоню и сразу поедем. Я недолго. Палыч с удовлетворением посмотрел на Веру.

--Такой день хороший, солнечный. Посмотри, листья светятся, - мечтательно произнесла она. У Ивановых забрехала собака.

--Вечно она лает, - недовольно покосился Михаил Павлович. Очень он не любил, когда ему кайф обламывали.

--А я боюсь собак. Мне в 3 годика сучка одна, маленькая, вены на руках перегрызла. Меня родители оставили в деревне со старой бабушкой, а бабушка недоглядела. Я так орала, что вся деревня сбежалась. И кровь фонтаном из обеих рук. Бабка чуть не в обморок. Замотала руки мне какими-то платками и тряпками, дала вина и уложила спать. Вот с тех пор...

--Все Вер, мы пришли. Палыч легко толкнул калитку, и они оказались в яблоневом саду. Дом стоял в глубине сада.

По узкой бетонной дорожке они подошли к крыльцу. Палыч постучал. Через минуту дверь открылась. Вера глядела во все глаза. На пороге появился высокий кареглазый мужчина. Его волосы были слегка тронуты сединой, и казалось, что он ровесник Палыча, хотя на самом деле... нет все-таки ему лет 30, - пришла к выводу Вера. Мужчина задумчиво смотрел в даль и как будто бы не хотел пускать их в дом.

--Привет, Сереж. Я позвонить пришел. Палыч виртуозно проскользнул в дом, а Вера осталась один на один с высоким. Парень по-прежнему смотрел куда-то в даль. Вера покраснела.

--А мы вот тут на озеро собрались, - зачем-то выдала она. Не хотите с нами?

--Нет. Парень впервые посмотрел ей пристально прямо в глаза долгим оценивающим взглядом. Вера вздрогнула. Замолчали. Через некоторое время выскочил ошпаренный Михаил. Видно, хорошо поговорил по телефону.

--Ну что Сереж, идут у тебя дела-то? Удалось что-то продать в этом месяце?

--Да нет, не особенно... Парень улыбнулся

--А что-то новое есть?

--Есть. Да вы заходите вечером вместе с Настей. Я покажу.

И мужчина еще раз посмотрел на Веру.

--Хорошо. Спасибо. Ну, пока. Садись, Вер на багажник. Палыч вывел велосипед на дорожку, положил зеленую подушку на багажник. Вера села, не оглядываясь, ухватила одной рукой за толстый живот Палыча, и они поехали вперед к озеру.

--Знаешь что, а я, по-моему, влюбилась. И хочу снова туда.

Знакомство

Превратности любви часто состоят в том, что люди не знают, что им на самом деле надо, они не умеют посмотреть в глаза своим желаниям и не понимают, что они делают в данный момент. Искусство любви очень просто: делать то, что хочешь, с тем, кто этого хочет, быть адекватным своей воле, если это только не вредит и не причиняет боль другим. Если бы кто-то сказал Вере час назад, что вся ее жизнь изменится после этой встречи в саду, она рассмеялась бы этому человеку в лицо. Если бы Палыч знал, что одним своим звонком он взял на себя

роковую роль этакого «вершителя» судеб, он бы, может быть, и не поехал звонить. Если бы, наконец, Сергей мог предположить невероятное, он бы почувствовал запах судьбы, перестал тормозить и рефлексировать. На самом деле назрел именно тот момент, когда желания совпали с возможностями и неизбежность встречи стала очевидной. Вера поднялась с полотенца, на котором лежала на песке и попросила Палыча отвезти ее в «райский» сад.

--Вы одна?

--Да. А что одной нельзя было приходиться?

--Нет почему. Смотрите, пожалуйста. Это «Антоновские яблоки», «Натюрморт с тыквой», «Лето заканчивается». У меня на ней яблони хорошо прорисованы... Мужчина медленно расставлял картины по кругу, чтобы лучше было смотреть.

А вот на этой сосны от ветра падают. Называется «Сосны в снегу». Это все прошлой зимой – «Открытое пространство», «Заснеженный поселок», «Старые сараи»...

--Как настоящие... И вот этот домик, я его знаю. И женщина такая странная, ах да это же художница Лариса с улицы Радио, верно?

--Да, это она. Мужчина помрачнел. Вера почувствовала себя неудобно и перевела разговор на другую тему. Она умела сыграть, когда надо, когда надо промолчать, а когда и перескочить с темы на тему не в ущерб разговору. С незнакомыми людьми Вера вела себя как разведчик, стараясь больше слушать, чем говорить. Запоминать сказанное и задавать вопросы только о том, что интересует собеседника.

Вера умело манипулировала словами и подчас совсем не замечала, как слова уведут ее в особый мир, где нет места живым людям. Но сегодня вечером рядом с ней сидел живой человек, и от него просто било энергией так, что женщина почувствовала себя женщиной. Вере никак не удавалось нащупать ту единственную нужную нитку, потянув за которую можно всю жизнь разматывать клубочек счастья, ведущий по лабиринтам действительности, превращающий каждый момент бытия в сказку и дающий почувствовать ту невероятную легкость общения, которая случается только после того как люди становятся близки.

--А Вы где работаете?

--В Центральной Фотолаборатории. На Киевской. – Знаете, если от вокзала перейти на другую сторону.

--А я вот без работы сижу уже полгода. Мужчина опустил руки на колени. Руки у него были красивые с длинными пальцами.

--Вы - ыы... Вера широко открыла глаза. Да у вас же картины!!! Им же цены нет!

--К сожалению есть. И не такие высокие цены, как Вам кажется. По крайней мере, у нас в Союзе. Да и имени у меня пока нет. На персоналку набрал, а с коллективными выставками, сами знаете что творится... Так что я просто ищу работу. И был бы рад сотрудничать в любой фотолаборатории, выполнять даже черную работу, я ведь это тоже умею.

--Вы знаете, я могу поговорить со своим шефом. По-моему у нас есть место. А почему Вы у Палыча - то не спросили раньше?

--Не смог.

--Короче, я поговорю, хорошо? А в следующий вторник Вы мне позвоните, вот мой телефон.

--Я позвоню. Обязательно. Спасибо Вам. А знаете что, приезжайте в следующие выходные в «Заветы». Ко мне. У нас две комнаты. Я с мамой живу.

Мама

Она хорошо знала, что «лиси язвины имут», что по-старославянски означает «лисы норы имеют, и поэтому с самого детства стремилась в свой собственный Дом, представления о кото-

ром у нее складывались из принесенных бабушкой с факультета славистики книг и кинофильмов 30-х годов, которые она любила больше мороженого. Винегрет в голове был полный, в своих фантастических снах она разгуливала по хрустальным дворцам и воображала себя Снежной королевой, а рука продолжала болеть и предательски выставляться даже из самых длинных рукавов старых платьев, которые она стыдилась надевать на улицу. Анна была домоседкой. Вероятно потому, что родилась калекой. А что лишний раз людям глаза мозолить скрюченной, безжизненно висевшей и повернутой назад за спину левой рукой. Стройная ладная фигурка, открытое лицо и увечная рука. Она избегала зеркал. Она и так про себя все знала. Невероятная твердость ее характера пугала даже мальчишек во дворе. У Анны Петровой было прозвище «железная леди». Внешне женственная, но внутри неподдающаяся ни на какие уловки и провокации, она шла по жизни, сжав зубы и считала себя способной на все. Страха не было. Вот только одиночество сосать стало сразу после школы. Анна как-то вмиг почувствовала свободу, желание своего дома обострилось, глаза посинели и за спиной выросли крылья. Вот только взлететь не удавалось. До поры, до времени.

А время подкралось как всегда незаметно. Это только кажется, что мы что-то планируем и точно знаем, что произойдет завтра. Мы ожидаем исполнения планов с упорством идиотов и не прощаем, когда что-то не складывается так, как нам хотелось бы. Нам чудится, что мы знаем себя, наши реакции, просчитываем варианты поведения в различных ситуациях, и даже выдумываем порой эти ситуации, мечтаем поймать за хвост ускользающий миг, и не терять время даром. А жизнь наступает нам на пятки, приводя к непредсказуемым результатам и меняя планы.

В «Заветах Ильича» стоял полк. 152 – мотострелковая дивизия. Солдаты проходили учения на дальних карьерах, а в магазин за водкой в увольнительные бегали в ближайший поселок. Анна с Николаем познакомились в булочной. Вместе хлеб покупали, а потом пошли купаться и не вернулись ночью домой, а остались ночевать в шалаше, предусмотрительно построенном местными рыбаками для ночных походов, ведь известно, что ночью лучше клюет. Анна поняла сразу, что ей не уйти, не отвертеться, что будет трудно потом, и что локти кусать придется ей одной. Но решение было принято: она хотела хоть раз в жизни познать любовь до конца. Она хотела обмануть себя и поверить в то, что нашла мужа. Анна знала, что ей женщине малопривлекательной, да к тому же калеке нужно быть очень умной, очень сильной и очень практичной, чтобы удержать такой подарок. Ей было хорошо с Николаем – высоким, стройным и красивым. Она бегала на свидания тайком от родителей и мечтала, что они летом поженятся. Но судьба распорядилась иначе. Через 3 месяца полк перевели на Украину, а Анна почувствовала такой токсикоз, что не могла ничего есть вообще и стала терять вес. Она таяла на глазах и все не понимала, почему Коленька, ее Коля уехал, не простившись. И почему он вообще уехал, ведь пошло бы все по-другому, подай они в июле заявку в Загс. Внутренний червь сжирал «железную Анну». Родители пилили, беременность все больше давала о себе знать, нервы были на пределе и тогда она решила ехать.

На Украину. И все узнать самой. Купила билет и поехала.

Село «Боровицы» расположилось высоко на песчаной горе. К нему вели две дороги: одна из города, другая по направлению к Кременчугскому водохранилищу, которое щедро отделяло левобережную Украину от правобережной. Оно вообще было похоже на море, чистое, зеленое, спокойное под лучами солнца. Воды было так много, и особенно весной в половодье, что два года назад произошло страшное. Вода поднялась и вышла из берегов. Вода стала так высока, что достала до кладбища и стояла так неделю. Она вымыла гробы из своих ячеек, и гробы поплыли по водохранилищу как разноцветные деревянные лодки, наталкиваясь друг на друга и унося из земляного приюта в вечность своих обитателей. С того самого времени в отвесной песчаной стене так и остались дырки-окошки, и если идти вдоль берега к селу, можно видеть

их на протяжении целого километра. Анна Петрова шла вдоль берега. Она сняла туфли и шла босиком. Так было легче. Она думала о том, что идеальной любви на земле не бывает, что она не первая и не последняя в длинной череде страдающих женщин, что ребенка одной растить трудно и надо, по крайней мере, договориться о деньгах, если... но дальше не хотелось рассчитывать и она с хорошим чувством вспомнила темные теплые ночи в «Заветах Ильича», сильные руки Николая и свою решимость. Нет. Анна ни о чем не жалела. В конце концов, она в выигрыше: ее ребенок бьется под сердцем. Но только как же он мог?

В районном отделении милиции ей сказали, что семья товарища Романовского проживает на улице Виноградная, 45.

--Или она ослышалась. Девушка-милиционер сказала четко: «семья». Но переспрашивать не решилась и, спросив у первого прохожего, как найти нужную ей улицу, смело шла дальше. Живот, слава Богу, еще не был замечен, но чувствовала она себя отвратительно.

На Виноградской стояло два дома: Из 46-го тотчас выглянула старуха в грязном желтом платке и пристально в упор посмотрела на Анну. А во дворе 47-го было шумно. Слишком шумно. Забора не было, только небольшие деревянные колышки огораживали дом. В песочнице играли дети: трое голопузиков, светловолосые и кареглазые с упорством строили дом. Анна внимательно посмотрела сначала на детей, потом на номер дома на калитке, потом на маленький песочный домик и повернула обратно.

Всю обратную дорогу в поезде она ревела. Она не могла смириться с мыслью, что не имеет права ни на что: ни на мужа, ни на материальное обеспечение. В милиции ей ясно объяснили, что у товарища Романовского жена и трое детей, к тому же товарищ Романовский периодически закладывает, а молодая обивает пороги той же милиции и каждый месяц берет из кассы взаимопомощи. А Анне такая касса не полагается, потому что она товарищу Романовскому никто, несмотря на то, что в ее животе его ребенок.

Анна размазывала горячие слезы по тонким бледным щекам и пила валерьянку. С каждым глотком приходило успокоение. С каждой новой мыслью – ясность. Наконец, Анна поняла, что разлюбила Коленку именно в тот момент, когда подошла к калитке. И нет в ней больше этой любви. Только обугленные головешки торчат. Такие она видела прошлой зимой у Саврасовых. Незадачливые жильцы в один «прекрасный» день случайно спалили собственную дачу. Вот и Аннушка сожгла свою любовь, точнее утопила ее в горячих слезах. Дальше нужно было действовать и делать что-то конкретное. Первое и главное – сказать родителям. Это – кошмар, но перетерплю. Авось, обойдется, ведь дома-то другого нет, кроме родительского. Второе – выносить и родить здорового ребенка, только обязательно полноценного, не как она. На соседей – плевать. Дуракам всегда захочется языки почесать. Подруга у нее Людка одна – верная, не продаст. Что еще? Ах, да.- Отца у ребенка нет. Нет и не было. Я буду ему и за мать и за отца, так решила Аня, полагаясь на свою двуличие и затаив сильную обиду на весь пол мужской.

Художница Лариса

В «Заветах Ильича» все всё про всех знали. Это беда маленьких поселков усугублялась еще тем, что процветали сплетни. Давняя укоренившаяся привычка лезть не в свои дела подталкивала жителей поселка к поиску «острых» тем и замысловатым прогнозам. К примеру, на прошлой неделе Людка Тимирязева – лучшая подруга Анны Петровой сломала ногу и почему-то не захотела ложиться в больницу, хотя районная в двух минутах езды на «Скорой», в городке. Вопрос: почему. Второй вопрос, мучавший всех: куда пропал единственный сын Анны. Уже больше недели на улицах «Заветов» не было видно чернявого долговязого 17 – летнего подростка на голубом велосипеде. К Анне подойти никто не решался. Все знали ее суровый нрав. Еще в период беременности она за словом в карман не лазила. Так отбрасывала каждого, кто пытался намекнуть на ее незаконнорожденного, что мало не покажется. Но в

остальное время была тиха и молчалива. Вот и теперь как тень бродила по поселку. Высохла вся и посерела. А ведь еще неделю назад радостная была, розовая, все хвалилась соседкам о сыне.

--Поступать будет. В Художественное. Я уже и работы носила. Приняли. Но пока нужно среднюю школу закончить. А думать о профессии, конечно, уже сейчас надо: чем кусок хлеба себе на жизнь зарабатывать.

Сережка о куске хлеба не думал, хотя поесть любил. Мать всегда готовила вкусно и сытно. Он наскоро набивал живот гречневой кашей, картошкой с тушенкой, пирожками с курагой и капустой, сладкими варениками и быстро бежал на улицу, садился на велосипед и гонял до позднего вечера. Приходил поздно, весь мокрый как мышь. После уроков, как считала мама Аня, всегда нужна физическая разрядка. Хотя на уроках он особенно не напрягался умственно. Ум его витал в облаках и фантазиях. Под партой на коленях лежал раскрытый «Плэйбой», который привозили родители Вовочки Тухачевского, работавшие в Нью-Йорке в ООН. Их зарубежную зарплату адаптировали к русским рублям и выдавали соответствующую советскому служащему деньги, но зато разрешали привозить разную печатную продукцию, чем и пользовались еще активные вовочкины предки. На физкультуре у Ленки Анисеевой так нежно выступали девственные грудки, и фигурка так женственно вырисовывалась, - вот здорово было бы ее написать голой. Сережино воображение уносило его в даль, несбыточные мечты манили. Но нравилась ему по-настоящему Катя Русакова. Он был даже в нее влюблен. По-взрослому. Катя была худенькой молчаливой еврейкой с большими темными печальными глазами и русой косой до пояса.. Когда ее о чем-то спрашивали, она сначала слегка вздрагивала, потом поднимала на собеседника свои глаза с длинными ресницами и продолжала молчать. Казалось, ее ничто на свете не интересует. Катя жила какой-то своей особенной жизнью. Медленно заплетала косу, медленно поворачивала голову, медленно отвечала. Но в этой ее замедленности, заторможенности таилась для Сергея волшебная прелесть. От нее веяло чем-то таким, что он еще не знал, но к чему уже волнуясь, стремилась его душа.

Лариса переставляла в вазах сухие цветы, изредка поглядывая на черноглазого «мальчика», сидящего у нее на пестром диване.

--Я думаю, - веско сказала она,- тебе еще очень много надо работать. Хотя, - она в упор посмотрела на Сергея,- сосны у тебя получаются хорошо. И сразу почти резко :

--Мне нужно сходить на рынок за продуктами. Ты располагайся и порисуй еще, а я скоро приду. Совершенно не чувствую погоду...

25-летняя Лариса Еремина в одном красном лифчике уже полчаса стояла перед старинным зеркалом в большой гостиной, любовно заставленной ее собственными картинами и всякими безделушками. Тут были и дешевые бусы, валявшиеся то там, то сям, и маленькие инкрустированные табакерки без табака и кольца из финифти и чайные чашки из Гжели, и деревянные фигурки непонятно каких богов. Везде стояли букеты сухих желтых и белых роз, валялись фотографии прошлого века в золоченых рамках и старые письма. Было как в курятнике душно. На стене напротив окна висел большой автопортрет: «В синем платье за работой». Она писала с натуры желтые кувшинки в селе Воздвиженское. Ах, это было всего лишь в прошлом году, а в позапрошлом ей удалось васильки и церквушка святого Павла, что стоит на пригорке в Абрамцево. В синем Лара смотрелась внушительно: грива недавно перекрашенных в платиновый цвет густых волос и алые губы. Настоящая художница! Портрет нравился ей еще и тем, что она зафиксировала себя за работой. Но сейчас нужно было собираться на рынок и позволить себе отдохнуть. Для отдыха и похода нужно было тоже одеться. Лариса никак не могла выбрать подходящую кофточку. Наконец, решилась. Надела канареечную блузу, зеленую длинную юбку, повесила янтарные бусы, подтянула голубые вязаные колготки, заплела волосы

в две косы коричневыми лентами, взяла кожаную белую сумку через плечо и отправилась на рынок. В темных очках она смотрелась весьма загадочно.

--Гляди-ко Еремина вышла погулять. Толстая баба Нюра вытянула вперед указательный палец с обручальным кольцом.

--Где ж ты пропадала то Ларка? Неделю поди глаз не кажешь. Аль стыдишься чего? И баба Нюра похабно засмеялась.

Лариса только фыркнула и ухом не повела.

--Взвесьте -ка мне полкило соленых огурцов,- легко приказала она. И клубники. Набрал в авоську всякого добра, Лариса перешла в вещевой ряд и наткнулась на умопомрачительную шляпку грибного цвета. Лариса примерила. Восторг!

--Сколько стоит?

--3 рубля, - продавец нахмурился.

--Три, ну это Вы, знаете ли слишком, я за 3 рубля целую неделю пахать должна.

Лариса подумала и вспомнила, что это как раз стоимость ее маленькой картинки «Церковь на отшибе», проданной прошлым летом гармонисту дяде Пете со скидкой и вытащила зелененькую.

--Беру.

И она полетела домой на крыльях. Лариса гордо переступила порог собственного дома и замерла в дверях. За столом, покрытым большим цыганским платком, пили чай Сережа и ее полоумная мать Олимпиада - бывшая выпускница института благородных девиц.

--Я шляпу купила, - радостно объявила Лариса, и сняв ее с головы, торжественно положила на стол. Мать проворно схватила мягкий фетр, помяла в руках и бросила на пол:

--А насрать в нее...

Серега подавился чаем и заржал. Повисла неловкая пауза. Лариса еще раз приступила:

--Ну мамаша, Вы ничего не понимаете, я так долго выбирала, примеряла, радовалась. Посмотрите, какой свежий цвет, размер!

--Да насрать, я сказала насрать..., - повысив голос, твердо произнесла полоумная Олимпиада Ивановна и удалилась в спальную комнату. Видимо цвет и конфигурация шляпки напомнили ей ночной горшок, стоящий теперь всегда под ее кроватью.

Лариса расплакалась.

--Вот так всегда. Никакого эстетического чутья. Абсолютное отсутствие всякого вкуса.

- Ах, я этого не перенесу....

И томно закатив глаза, она прилегла на диван.

--Подойди ко мне, я что-то нехорошо себя чувствую.

Сережа вышел из-за стола и сел рядом с ней. Лариса все еще с закрытыми глазами протянула к нему руки и обняла. Сердце Сергея забило. Эта странная женщина втягивала его во взрослую жизнь все больше и больше, и он, хмелея от прикосновений, чувствовал себя рядом с ней мужчиной и ему было хорошо. Секс засасывал все сильнее. Сергей понимал с каждым разом, насколько он еще неопытен, а Лариса делала с ним все, что хотела.

--У тебя родинка внизу спины

--Слушай, а ты с первого раза поступила в Художку?

--А почему ты тогда покрасила волосы в зеленый цвет, это что, модно было?

--А ты можешь перевернуться?

--Нет, не так

--Лучше встань не колени

--Хочешь, я подложу подушку, так удобнее, правда?

--Нет, лучше только губами. Убери руки.

--А ты любишь свою мать?

- А ты свою?
- Ты в институте узнала, что такое светотень?
- Поедем завтра загорать на озеро, ты такая белая вся как снег
- Скажи, почему у тебя везде только мертвые цветы?
- А почему ты выбрала именно меня, чего тебе не хватало?
- не надо, мне так больно. Лучше поцелуй...

В свои 17-ть Сергей смотрел на Ларису во все глаза. Она была такая уверенная в себе, такая яркая, такая сделанная. Богиня. А он – еще неотесанный, стеснительный и сильно сомневающийся в своем таланте романтик. Ох, уж эти романтические юноши! Вечно их тянет на приключения, да еще самые рискованные! А еще Сергей всегда хотел быть первым. Надоело ему голых баб из воска лепить, гораздо интереснее было с художницей Ларисой на старом диване в дальней комнате с заколоченными окнами. Старый диван ритмично скрипел в темноте, Ларисины жесткие волосы вечно лезли в рот, и ему казалось, что он познал самое сильное из всех земных ощущений в том момент, когда что-то подступало к самому кончику члена. Сергей гордился тем, что в свои 16 лишил невинности эту «богиню», которая в свою очередь стала и его «первой учительницей» в интимных вопросах.

В один такой момент, когда Сергей готов был уже закричать от жгучего наслаждения, одновременно с его криком доска забитого окна отодвинулась и в окно влез старенький писатель, который еще жил до «Заветов» во времена начального строительства поселка Марк Робертович Разин. Старичок остолбенело ойкнул, но остался стоять на месте. Казалось, что он потерял дар речи, но приобрел дополнительное зрение и слух. Марк стоял в темноте и понимал, что в комнате, где он встречался с Ларой регулярно по средам, происходит соитие. Точнее половой акт. Вопрос, с кем его волновал больше всего, потому что сегодня была среда. В темноте что-то завозилось и грохнуло, и раздался сердитый голос Ларисы:

--Вы что это Марк Робертович, теперь без стука входить изволите?

--Сегодня же среда..., - прошептал Марк по кличке «Святоша».

--Тем более, - сухо ответила женщина и, не удостоив господина Разина - известного в свое время писателя-романиста, опусы которого хранятся теперь в КГБ, дальнейшим своим присутствием, удалилась в более светлые комнаты своего гостеприимного дома.

Отец

Сергей пришел с физкультуры голодный как волк. Голодный и злой. Вчера он пережил первый облом в своей жизни. Он даже не мог думать о ней без омерзения. Неужели все бабы такие? А ведь он из-за нее поругался с матерью, ушел из дома, перестал ходить в школу, а выпускные уже на носу, и вообще начал новую жизнь. И такой облом. И ладно бы кто: а то стыдно сказать, этот старый пердун, отец Мотьки Разина – этого типичного отличника с комсомольским значком на белой рубашке. Тьфу... Хотя впрочем, это ее личное дело. Серега мудрел с каждой минутой. Не по дням, а по часам вырастали его мозги, так же как за последние два года выросли руки и ноги. Уже мамой перешитые дядины брюки были малы, да и куртка износилась. А обувь просто на нем горела.

--Сережк, поедем вместе в субботу на рынок. Да ты ешь, ешь, нечего рот-то воротить. Мать поставила чашку с картошками на стол.

--А то на тебя смотреть больно. Пообносился весь. Да и грязный как чушка. Сходи в баню-то...

--Схожу, - пробурчал Сережа с набитым ртом.

Мать смотрела на него пристально и укоризненно, но ничего не спрашивала, и сын был ей за это благодарен. Мать никогда его не понимала: ни в детстве, когда болели гланды и хоте-

лось сливочного мороженого позарез, а у нее не нашлось 19 копеек и она покупала ему глазированные сырки – «это – твое мороженое», ни в переходном возрасте, когда надо было есть мясо, а на стол ставилась манная каша, ни сейчас, когда ему наплевать на свой внешний вид и даже лучше, что он такой, какой есть, больше соответствует ситуации, а мать хотела его видеть всегда чистым и аккуратным. Он тоже не против чистоты. Но не сейчас, когда в душе помойка.

--Ладно, мам, спасибо, я пошел.

--Придешь домой-то?

Мать нахмурилась.

--Да, - и Сережа захлопнул за собой дверь. Но не успел он дойти до калитки, как мать открыла окно и крикнула:

--Сереж, вечером, к 5-ти будь, пожалуйста. У нас гости....

И по твердому тону ее голоса, Сережа понял, что гости серьезные.

Он накупался в озере, зашел к соседу Веньке, посмотрел его коллекцию бабочек, особенно запомнилась одна с изумрудными треугольниками на желтых крыльях, договорился поиграть в футбол сегодня вечером, и без 10 минут 5 поплелся домой. Сердце его как - то нехорошо сжималось. А может просто перекупался, подумал он и широко распахнул дверь. За столом сидел незнакомый высокий и седой мужчина. Он вздрогнул, когда вошел Сережа и резко обернулся. Потом встал, протянул руку и громко сказал:

--Ну здравствуй, сын.

Сергей почувствовал дурноту. На него сильно пахнуло водкой и табаком. Вышла мать в новом платье, строгая и белая. С огурцами.

--Я вот вам закусочки принесла. Садись, Сереж, покушай, проголодался уже, знаю...

Сережка сел. Мужик подвинул к себе пустой стакан, налил полный и передвинул к Сергею.

--Выпьешь?

Сережа выпил, встал из-за стола и, не простившись, вышел. Он все понял. Мать выбежала за ним на крыльцо.

--Сереж, ты что? Нельзя так отца родного встречать. Я и сама не хотела пускать, да вот приехал. Не ожидала.

--У меня нет отца, - резко и отчетливо выговорил Сережа и пошел прочь из дома. Мать только грустно посмотрела ему вслед. Встреча, о которой она нет-нет, да и думала, не состоялась. Все прошло.

Детство

Все прошло. И детство Сережиного ушло. Анна только теперь поняла это. А ведь когда-то был он маленьким ... Однажды, прибежал со слезами на глазах и долго допытывался, а где же его папа, хотел ехать к нему и видеть немедленно. Анна тогда его кое-как успокоила, утерла детские слезы. А потом «Заветы» просветили мальчишку. О своем происхождении Сережа узнал на улице. Щедрый соседи рассказали историю «большой любви», не скупясь на подробности. С тех пор у него изменилось отношение к матери. Его как-то вдруг осенило, что она для него не авторитет, и никто не авторитет. Отца, да какой он мне отец, я его за 17 лет впервые увидел, как бы и нет. Да и никого нет. Была одна женщина, да и то оказалась блядью.

А вечером Сережке приснился страшный сон: как будто он заперт в маленькой комнате с одной девочкой из параллельного класса, он даже не знал ее имени, а в комнате живет женщина-людоедка, большая и волосатая. Она сидит в большом кресле, одета в грязно-серое платье и шляпу цвета Ларисино телефона. Он и девочка сидят на маленьких лавочках и едят лапшу с человеческим мясом. Во сне одновременно гулял ветер, и было душно. Он пытается встать с лавочки, но тяжесть тела не позволяет, он делает усилие и подходит к окну. Сильно

кружится голова. Сережа жадно хватает воздух кусками и видит, как по небу идут цветные движущиеся фигурки, он вглядывается и узнает бабушку, дедушку и мать. Мать шла последней. Сережка проснулся в 3 часа ночи и долго пил колодезную воду из ведра. Потом взял ковш и окатил себя с головой. Сразу вспомнилось: он 5-летний меряет с Петькой Захаровым лужи перед домом. Мать тогда купила ему новые синие резиновые сапоги, и они были на 2 размера больше. На нем были надеты зеленые байковые штаны, а поверх свитера повязан материн платок. Им было так весело с Петькой, когда они попадали на особенную глубину, сердце замирало, Сережка делал первым еще один шаг, и разведка заканчивалась полным воды сапогом. Дети с визгом разбегались в стороны, а из окон выглядывали испуганные мамы. Именно тогда дед Митрофан его ревущего и упирающегося руками и ногами загнал домой, мать в это время была на работе, поставил прямо перед собой и заорал:

--Ты что, выблядок, заболеть хочешь?

--Ишь резвится он, мало матери позору, да ты еще горластый такой уродился....Сережечка, Сережечка, дать бы этому Сережечке....

Сережка понимал не все слова, но по тому, как сверкали дедовы глаза и по громкому голосу понял, что ругают его не за лужи и промоченные ноги, не за Петьку, которого он подбил на игру, и даже не за новые резиновые, которые он надел без спросу, вытащив из шкафа, где мать складывала вещи. Ругали и орали на него за него самого, за что-то, что в нем не то и не так как у всех. Сережка тогда понял, что он какой-то особенный, странный.. И странность эта нехорошая и каким-то образом связана с матерью. Он сильно плакал тогда, да и в последующие годы, когда дед подходил, резко выговаривал это ругательное слово «выблядок» и давал короткий, но больной подзатыльник, на душе у Сережи всегда становилось тоскливо и муторно. Хотелось куда-то бежать из дому, кому-то жаловаться и не видеть больше никогда ни деда, ни бабки, ни матери.

Незаконнорожденный сверток

Анна благополучно разрешилась от бремени. Медсестра показала ей богатыря 4200 с оттопыренными в разные стороны ушами и круглыми глазами-вишенками. Анна была счастлива. Сын такой большой, родной, плоть от плоти, ну уж она то вырастет его настоящим мужчиной. Похож он был на отца, от нее почти ничего, быть может, только тонкие поджатые губы. Но это не страшно. Главное – воспитание. так думала молодая мать, собираясь через неделю домой. Она уже почти оделась сама, и тут принесли упакованного Сергея, так она решила назвать сына. Сверток был внушительный. Из голубого байкового одеяла высовывалась большая голова в синей шапочке. И все это было перевязано голубыми лентами. Она по-деловому взяла сверток на руки и поехала домой, сначала на трамвае, потом на электричке. К «Заветам» подъехала к пяти часам. Дома уже все ждали – мать, отец, брат. Да и по улице, когда шла, любопытные соседки кивали ей,

здоровались, а потом переговаривались между собой. Анна смутилась. Конечно, она прекрасно понимала, что сделала. Но по-другому поступить не могла и не хотела. Ребенок был как бы оправданием ее любви, ее страсти - так она успокаивала свою совесть, а что до других – плевать. Но плевать, как оказалось, надо было на самых близких – на отца с матерью. Люди старой закалки, они восприняли дочь со свертком как позор. Ведь нагуляла дочка ребеночка-то, незаконнорожденный он, безотцовщина. Смотрели во все четыре глаза и красноречивее слов говорили, что же ты нас так опозорила. Как нам теперь в глаза соседям смотреть. Но вслух не высказывались, молча встретили, посмотрели ребенка и пошли заниматься своими делами. Анна расстроилась. Еще совсем недавно, лишь только они узнали о ее беременности, она выдержала целую бурю от домашних, потом эта поездка в Боровицы и неожиданный результат – там у любимого семья. Все складывалось против нее. И чтобы не видеть и не

слышать, как отец с матерью беспрерывно обсуждают ее, анину жизнь, она пошла учиться на бухгалтера в вечернюю школу. Днем работала, а вечером училась. И так почти до самых родов. Она где-то читала, что такой режим не совсем благоприятен для ребенка, но что делать. Свои интересы она ставила выше. Ей надо было как-то выживать в сложившихся обстоятельствах. Да и деньги были нужны. Ведь растить предстояло сына. И помощи ждать неоткуда. К тому же Анна была не из тех женщин, что поставили на себе крест. Уже через год после родов, у нее появился кавалер, который тайком ночами влезал к ней в девичье окошечко, дальше и поэтому неслышное дома и проводил время с любимой женщиной. Правда, приезжал он не часто, раз в месяц, но и то хорошо. На Сергея новый мужчина никак не влиял. Ребенок есть и прекрасно. Ведь он же ходил к матери, а не к ребенку. И какие бы планы ни строила Анна, ухажер был непоколебим – встречи тем и хороши, что они редки и на большее не претендовал. Анна давно смирилась со своим положением матери-одиночки, документы на Сергея оформила тоже по всем правилам, и дав коробку конфет в Загсе, записала отчество по имени реального отца, а фамилию вписала свою – девичью. Сергей стал Петровым, так никогда и не узнав настоящую фамилию своего отца.

Машинки старые и новые

Детство, какое бы оно ни было – всегда счастливое время, потому что полно планов на будущее, надежд, мечтаний о взрослой жизни. Сережка рос любознательным, открытым, впечатлительным. Очень любил играть разными игрушками. Правда, их было у него не особенно много, и часто приходилось играть разными бытовыми предметами, которые можно было брать. Но хотелось, конечно, настоящих. Однажды, брат Анны привез своему сыну Лешке, они летом всегда гостили в «Заветах», новенькую машинку – блестящий черный самосвал. А Сереже подарил старенькую машинку – серого цвета грузовик (ему и такой сойдет), весь поцарапанный и якобы из Америки. Сережа сначала по-детски обрадовался, но потом понял разницу и ему стало обидно, почему у брата новенькая машинка, а ему дарят старые вещи. Острое чувство несправедливости заполнило душу. Что было делать... Сережка уже не впервой чувствовал, что дома он какой-то лишний, его ругали за недоеденную кашу, за мокрые ботинки, а он так любил мерить ботами лужи в поселке, за разбитую чашку, за без спросу взятые плоскогубцы и просто так ни за что. Вот это чувство обиды у Сергея болезненно развивалось. Даже если это касалось не только его. Вот, брат Лешка, например, младше его, а машинку получил как большой, и когда они вместе смотрят мультики, брат не смеется, где смешно, не понимает. Они как-то долго ждали один мультфильм – он должен был пойти сразу после «программы Время» - 17 серия «Ну, погоди!», а по телевизору объявили, что мультфильм куда-то там переносится и будет демонстрироваться фильм «Вечный зов». Брат как заревет. Жалко его было очень. А потом Сережке стало жалко себя. Как-то зимой, ему было тогда 4 года, бабушка на санках привезла огромный бак с водой из колодца, поставила его на крыльцо и истошно завопила, требуя, чтобы Сережа как можно шире открыл входную дверь. Сережка сломя голову побежал на крыльцо и, собрав все свои детские силы, до упора оттянул входную дверь. Тугая стальная пружина, висящая на двери на уровне пояса, внезапно сорвалась и ударила мальчика по лицу. Он помнил только, что жутко замерз, стоя на снегу на ослабевших ногах, да кровавый комок снега, который бабушка то и дело прикладывала к его разбитому лицу. «Скорая помощь» почему-то не приехала. Через два дня разбитая переносица болела меньше, но пружина висела на прежнем месте, старательно нацепленная на дверь. Через много лет, похоронив деда и бабу, первое, что сделал Сергей – сорвал дверные пружины со всех дверей в доме. Двери стали открываться легко и просто.

Сначала Сергей ходил какое-то время в детский сад, но там ему не понравилось. Потом заболел, и сидел дома с бабушкой и дедом, мать как всегда работала. Дома было скучно, но

Сережка гулял по поселку, по лесу заветинскому, знал все тропинки, все шалаши и тайные ребячьи места. В то время мальчик был просто очарован небом и космосом, читал запоем фантастику, журнал «Юный техник», очень любил мастерить необычные штуки своими руками и как-то раз написал «Послание в космос» далеким пришельцам, свернул в трубочку, вложил в жестяную банку и зарыл в лесу, под сосной. Это было волшебное время. Летом он ходил на озеро купаться и удить рыбу. Лет с 10-ти уходил на рыбалку со старшими и приходил только к вечеру, когда мать возвращалась с работы. Худенький, стройный, с озорными глазами мальчик в коротких шортах и футболке был типичным непоседой, загорался от любой интересной идеи и тут же бросался ее реализовывать. Сережка был очень живым, подвижным, активным. Матери подросток доставлял немало хлопот. В дневнике у Сергея красовались твердые тройки, значительно реже четверки и частенько мелькали «двоечки». Мать вызывали, говорили о неровном поведении сына, о проблемах с психикой – то «пятерку» получит, то «пару» по одному и тому же предмету. Мать молча все выслушивала и дома давала Сережке подзатыльник. Этим ограничивалась. Она твердо верила, что если она работает и зарабатывает деньги, кормит, поит и одевает сына – это главное, а в школе его «воспитывает» комсомольская организация и учительница математики, которая больно бьет указкой по пальцам.

А Сережке ох как хотелось отца. Он жутко завидовал всем ребятам, у которых были и папы и мамы. «Везет тебе...» – часто говорил он двоюродному брату. И мечтал в тайне, когда вырастет сесть на поезд и поехать искать отца. И уверен был – обязательно найдет, уж очень его ему не хватало. Кому как не отцу рассказать мальчишеские обиды, с кем посоветоваться в трудных ситуациях, кто научит правильно вырезать лук или клюшку или делать поклевку. Не у матери же спрашивать, да к тому же отношения с ней с возрастом совсем разладились. Она только деньги зарабатывала, да за двойки подзатыльниками кормила – а чем живет душа сына, не знала и не ведала. Или может, не хотела знать, любила сына как могла. Сергей испытывал к матери двойственные чувства. С одной стороны ограничивает свободу, вечно лезет, куда ее не просят, то в комнату в самый неподходящий момент войдет, а то придумает же такое – учиться ему на фортепиано! В то время, когда он просто бредил «Битлами» и мечтал о хорошей шести-струнной гитаре. А с другой стороны – мать все-таки. Единственная у него родная. И порой так жалко было ее до слез, когда она возвращалась поздно вечером домой уставшая с работы и уже ничего не соображая, машинально ела суп, картошку с сосисками, и на все сыновние рассказы и вопросы отвечала односложно и в мужском роде: «Понял, понял... А потом убирала со стола посуду и сказав «ну, спокойной ночи, я пошел...» – уходила в свою комнату.

Ты что, не мужик?

И все-таки с матерью не заладилось. Она воспитывала сына в соответствии со своими представлениями о добре и зле, о порядочности и главное, о том – каким должен быть мужчина. В сыне она хотела реабилитировать себя, свою поруганную честь, хотела компенсировать свою глубокую обиду. Сын для нее был орудием мести. А орудие должно быть в первую очередь сильным. И Анна не жалела сил: кормила, поила Сережку и торопила время – скорее бы уж он вырос, да помогать начинал – а сумки с помидорами таскать можно и в 5 лет – выглядит он на все 7, так кого же и нагрузить, если не сына. И нес пятилетний мальчишка пятикилограммовые сумки, которые оттягивали руки и больно впивались капроновыми ручками в ладони, нес эти несчастные помидоры по улицам залитого солнцем южного города Сочи, куда они с матерью поехали отдыхать, сначала до гостиницы, а потом до поезда. Навсегда Сергей с тех пор возненавидел море. Такое синее и ласковое ко многим, к нему оно обернулось совсем другой стороной – ежедневными закупками, горячим пляжным песком и обгорелыми плечами, которые мать мазала кефиром на ночь. И никакой свободы. Уж лучше бы он остался с дедом и бабкой в родных «Заветах», ходил бы на озеро купаться в пресной воде, нырять с самодель-

ным аквалангом, он это обожал – не нужно ему больше никакое море, которым мать все время попрекает – копила на него весь год, и вот теперь помочь некому – дешевые помидоры до поезда донести.

Аукнулись ей ее помидорчики, когда Сергею стукнуло 16, за его воспитание взялась художница Лариса, которая мало того, что сделала его мужчиной, не спрося у Анны разрешения, но и продолжила начатое: Лариска тоже хотела видеть в Сергее прежде всего мужика. И так как он выглядел старше, на все 18, гордилась своим любовником, и накрывая на стол, всегда ставила стакан водки, разбавляла его шампанским, а когда Сергей отказывался, удивленно и с оскорбленной гордостью говорила: «Ты че, не мужик что-ли, стакана осилить не можешь?» И пододвигала стакан с закусками ближе. Этой барышне-крестьянке с тяжелым детством ужасно льстило, что у нее – доморощенной художницы с входящими в то время в моду сюжетами аля рюс есть настоящий любовник. Пусть и мальчик. В свои 25 лет она «отобрала» Сerezку у Анны, а когда позже родила сама и сестра мужа Жанна после развода Ларисы и Виталика хотела «приватизировать» ее сына Илью, ссылаясь на отсутствие у нее средств к обеспечению, Лариска горько плакала. А потом Бог прибрал эту сестру, которая хотела «отобрать» родного сына и воспитать его по-своему, и Илья с Ларисой остались жить в таинственном поселке, где все словно собаки, носятся по улицам и связаны незримыми, а порой и родственными нитями друг с другом.

Лариса преодолевала с помощью Сергея свои девичьи комплексы. Она не могла простить матери своего происхождения – из обедневших зажиточных крестьян, и долго не могла понять, за что же мать ее так ненавидит. Выражения типа: «Навязалась, кобыла, на мою голову!» или «Пошла сучка на случку» Лариса слышала с 15 лет. Ей ужасно хотелось освободиться от гнета матери, как – то обособиться, вести свою жизнь. Эта анти-мать жаждала поклонения. Сергей был мостиком к новой жизни, связующим звеном в цепи. В детстве она страшно хотела стать балериной, но разочаровалась после первого посещения балета в Большом театре. В антракте они с матерью зашли за кулисы – поболтать с маминой подругой Серафимой, и маленькая Лара увидела, что все принцессы-балерины стоят как потные лошади с мокрыми подмышками. Эти потные подмышки сыграли свою роковую роль – вместо танцев девочка стала рисовать. По крайней мере, потом после работы, после красок и карандашей можно помыть руки с мылом. Это она твердо усвоила – помыться, чтобы ничего не было заметно. Никаких следов, никаких пятен. И Сергей ей нужен был именно такой – молоденький и чистенький. Как лист белой бумаги. А уж она то, постарается, распишет его всеми красками, на то она и художница! Материал вполне достойный. Он, конечно, тоже был не дурак и понимал, куда его занесло. Молодая 30-летняя бабенка хочет мужика и на все готова, чтобы его заполучить. Он пошел ей навстречу, тем более, что сам давно интересовался всеми этими вопросами. Тайна пола притягивала, и главное – хотелось тоже вырваться из дома, начать какую-то свою, особую жизнь. Лариса стала его тайной, дома он не мог рассказать о ней, его бы просто казнили, ибо все, что исходило не от матери – воспринималось в ножи. Постоянный прессинг дома – догадывались все, но молчали, малодушный страх, что засекут и все откроется, подстегивал желание.

Сергей волей-неволей превращался в мужчину. Две женщины – родная мать и чужая дочь работали над ним. Каждая в соответствии со своими представлениями о силе и мужестве. Сергей особо не сопротивлялся, все слушал, соглашался со всякими доводами, вот только поступал всегда по-своему. И водку пить не хотел. Ну не хотел он пить это промышленное разжиженное говно, по меткому выражению друга Пашки с соседней улицы. И чего они все до него докапываются – часто думал парень, почему, чтобы стать мужчиной нужно непременно выпить бутылку водки и переспать с женщиной. Абсурд какой-то. А как же любовь, чувства? Почему мужикам нужно обязательно таскать тяжести, и это вызывает уважение? И, наконец, почему мать так целенаправленно «насилует» его, заставляя учить ненавистное сольфеджио и долбить по клавишам расстроенного пианино, купленного по случаю и совершенно ему ненужного, а

Лариса с упорством идиотки проповедует свою избранность и смеется над другими людьми. Это ее человеконенавистничество и презрение к себе подобным и оттолкнуло Сергея. Правда, чтобы разглядеть в ней эту червоточину и понять ее потребовалось время.

Отче наш

Чем взрослее мы становимся, тем охотнее принимаем любой толковый совет и любую дельную помощь. Чем чаще Сергей думал над своим положением, тем яснее ему становилось, что нужно бежать сломя голову от всего этого дерьма. Но он слишком хорошо знал, чем чреват уход от реальности, «двигаться» больше не хотел, поэтому предпочитал жить сегодняшним днем и решать свои проблемы по мере их поступления. Иголку в сене не утаишь, - их связь с Ларисой вскоре стала известна всему поселку: может быть сама молодая художница проговорила в магазине о молоденьком женишке, а может любопытные соседки подглядели или отверженный Марк Робертович в сердцах поделился с кем-то своим горем. Факт был налицо. И перед фактом была поставлена мать Сергея Анна. Она ожидала от сына что-то в этом роде, но совсем не ожидала последствий его выбора.

-

Сереж, ты хоть понимаешь, что она тебя старше? – попробовала она начать разговор, но тут же осеклась.

Сын так хлопнул входной дверью, что осыпалась штукатурка в прихожей и ушел, не оглядываясь один, в ночь. Не появлялся неделю. Анна робела идти к Ларисе, просто ждала, и решила больше не вмешиваться, будь, что будет и не приставать с расспросами и нравоучениями, хотя в душе затаила на сына обиду – какую-то вертихвостку-художницу предпочел ей-родной матери - трудовому человеку. Затаилась и словно окаменела.

Если и в далеком детстве она не была особо ласкова к сыну, скупа на поцелуи и объятия, все это она считала ненужным сюсюканьем, мужика ведь растим, то теперь и подавно – поговорить по душам с матерью для Сергея большая проблема, которую он решил по-своему – тоже замкнулся.

После того, как Сергей ушел из дома на неделю, он жил у Ларисы, и этого времени ему хватило на то, чтобы узнать, кто такой пожилой Марк и кто такая сама Лариса, так ловко окрутившая его, малолетку полгода назад, так искусно притворявшаяся влюбленной и оказавшаяся на самом деле пустой, взбалмошной бабенкой, слабой на передок, болтливой, эгоистичной и главное абсолютно бездарной и при этом выставляющей себя, хвастающейся и презирующей других. По Заветам поползли слухи – говорили, что Лариску завербовало КГБ после того, как девчонка «залетела» на иконах. Она действительно владела темперной живописью и активно продавалась, а кто-то следил, и вот теперь после неудачной попытки соблазнить знаменитого писателя, а тут еще этот щенок под руку попался, она видела свою цель в замужестве. Объект был выбран не случайно – сын писателя Виталик.

Надо сказать, что Сережа интересовался не только половыми вопросами, так далеко его заведшими. После разрыва с Ларисой, он вернулся домой и затаился. Нашел старое дедово Евангелие и стал читать. И чем больше читал – тем больше просветлялось его сердце, тем спокойнее становилось на душе. В Евангелии он нашел ответы на все свои вопросы, даже на те, которые еще не мог сформулировать. Какая-то несказанная благодать разлилась по всему его существу. Так вот оно значит как – и не надо судить других людей, ни критиковать их, не обсуждать, кто знает, почему они так поступают, это одному Богу известно – все тайные мотивы человеческих поступков, надо их попытаться полюбить как самого себя, а если не получается, в крайнем случае, просто не обращать внимания на дурных людей, не реагировать на то, что

другие говорят и делают и думать больше о себе, внимательно следить за собой, за своими мыслями, делами и поступками. Сергей понял раз и навсегда – ответственность перед Богом мы будем держать каждый за себя, за свою жизнь. А что я сделаю со своей жизнью, ведь это сознательный выбор, сознание должно быть ясным, и что я уже сделал с ней? Водку пробовал, не раз портвейном баловался, все эти югославские таблетки от кашля с кодеином пил, женщину имел – вообще все не то и все не те – только пустота в душе осталась после этих проб. И тогда Сергей понял, что спасение может быть только в творчестве. И в Боге. Когда он читал Евангелие, он испытал сильный душевный подъем – как будто все силы его души устремились куда-то ввысь, к заветному и родному, к самому желанному. Как же он раньше жил как в тумане, что же у него за сознание было такое – запеленутое?!

« Я должен найти собственный путь, во что бы то ни стало, я уже на этом пути, и Бог поможет мне, я знаю теперь твердо» - повторял себе в который раз парень и долго не мог уснуть. Да и какие сны могли быть после такого. В эту ночь Сергей принял первое в своей жизни важное решение.

На утро следующего дня он помылся под холодным душем, оделся, взял маленькое потрепанное Евангелие, положил в карман и пошел в школу. На уроке истории после вопроса Ивана Семеновича:

« Так кто же выиграл сражение в Куликовской битве?» - и последующего гробового молчания класса, он встал, достал из кармана Книгу и четко и внятно прочитал вслух перед всеми 24-мя школьными товарищами во главе с учителем истории «Отче наш». Потом взял свой портфель, вышел из класса, плотно притворив дверь, и бегом выбежал из школы. Учеба для Сергея в советском учреждении с его фальшью и бесконечной зубрежкой закончилась. Началась школа жизни.

Вера на работе

Вере очень хотелось снова увидеть молодого человека из «Заветов», но еще больше хотелось помочь ему с работой. Поэтому она решила не откладывать дела в долгий ящик и сразу после редакционного совещания поговорить с шефом. Она надела новую черную шелковую блузку, короткую серую юбку, темно-бордовый пиджак, надушилась духами «Клема», подаренными на прошлый день рождения Ленечкой из соседнего отдела и поехала в Фотолабораторию. Она как всегда опоздала. Весь «рассадник» был в сборе. Только Михалыча почему-то не было, опять, наверное, с Настей поссорились. Она тихо вошла в комнату, всем улыбнулась и скромно села у края длинного стола. В Лаборатории было, как всегда накурено и шумно. На столе разложены макеты, верстка и куча только что отпечатанных сырых фотографий.

--Я и говорю, - продолжала зам. зав отдела «Наука и религия», что нечего Пугачиху на первый план ставить. Вы только посмотрите, как ее Ленчик снял: в чем мать родила, только сапоги выше колен блестят...

--Спокойно, мамаша,- Леонид Заусенский закурил новую сигарету. А я думаю, что мы только выиграем. Это ж реклама самой чистой воды.

--Нет, так не пойдет. А нет ли чего-нибудь приличного? Ну, типа «Белый дом» или «Детский дом». Или на крайняк что-нибудь смазливенькое...

Редактор Степа Тихий обвел всех присутствующих своим просящим взглядом. Ему нельзя было отказать. Первым раскололся Митрич.

--Я тут кое-что припас. Хотел в агентство «Эль-пресс» продать, честно скажу, ну уж если на то пошло... и сидящий собкор ТАСС, дважды лауреат Ленинской и государственной госпремий вытащил свою старенькую черную папку. Это была серия чернобыльских фотографий. Свежих. Уже спустя 3 года после аварии. Митрич всегда на острых темах выплывал. Фотографии были сделаны действительно классно: большие, четкие, черно-белые с неожиданными

ракурсами и деталями и главное, это были портреты. Глаза детей просто брали за живое, да и природа...

--Ну, Митрич, удружил. На первую его. Эту и эту. Остальное потом. И ребята, не расслабляйтесь. Сейчас самая горячая пора: предвыборная компания, да и уборка урожая началась. А Лебедева, завтра в Правительство Москвы к 10. утра. Как всегда.- Главный встал и пошел в свой кабинет. Вера смело двинулась за ним. Он еще не успел и приоткрыть дверь, как Вера мягко тронула его за плечо, и тихо промурлыкав :

--Я к Вам, Степа...проскользнула в кабинет раньше шефа. Там села на удобный, ее любимый стул, положила ногу на ногу, закурила сигарету и не успел Степа опомниться, выпалила:

--Я нашла гениального Мастера! Талант. Художник, точнее фотохудожник, поправилась она. Тянет на «Магnum». Все случайно. Я его уговорила немного поработать на нас. Материалы сумасшедшие. Работать любит. Надо брать пока не переманили.

И Вера уставилась на шефа своими раскосыми серо-зелеными глазами.

Степа лениво закурил. Он посмотрел на возбужденную и восторженную Веру и сказал:

--Ну что ж, приводи. Но только во вторник во второй половине дня, хорошо? Вера обвожительно улыбнулась, затушила сигарету и пулей выскочила из кабинета. Дело было сделано.

В Лаборатории еще кипели страсти: Марья Петровна обсуждала с Марьей Ивановой, что лучше - Ив-Роша или Синержи, если брать не в палатке, а в магазине. Обеим было глубоко за 50 и ясно, что уже ничего не поможет. Митрич собирал на бутылку по поводу удачного чернобыля, худая машинистка Клара с прямой спиной перепечатывала подтекстовку, Леня с Мишей верстали новые фотографии, тихо матерясь, а Леопольд Матвеевич в огромных роговых очках сидел за макетом и клевал носом.

--Все в порядке, все в порядке. Вера танцующей походкой направилась к выходу.

--Стой Лебедева, за тобой должок. Ты куда дела прошлогодние фотки с Нового года? Зажала, да? А ведь там были бесподобные, особенно ты.

Ленчик кокетливо улыбнулся.

--Ах, отстань ты от меня ради Бога. Принесу. Вот Новый год будет и принесу.

--Так это ж полгода ждать, - затянул Леня. А я бы может их в агентство пристроил. Все ты не о том думаешь. Тебе сниматься надо, а не снимать.

Но Вера уже не слышала Ленины доводы в пользу ее фотогеничности, а радостно бежала по лестнице в буфет на 4 этаж, там заказала кофе, бокал шампанского и шоколадку.

--Дело сделано так и пело в ее душе.

--А собственно что это я так радуюсь... Поеду- ка к Катюхе, покатаемся на речном трамвайчике, потремемся. А завтра уже суббота! Он меня приглашал. К себе.

Заветы Ильича

На следующее утро она ехала в электричке вся напряженная. Казалось, что она потеряла дар речи, и как-то по-новому ныла душа. За окном проносились подмосковные станции. Березы уже начинали желтеть. Конец августа. В электричке было как всегда грязно, но это все такая ерунда по сравнению с мировой революцией, как любит говорить ее мама. Нет, действительно. Вере хотелось пить и глубоко наплевать было на засыпанный семечками и окурками пол, на пропитые лица рабочего класса и на вонючую духоту. Электричка бежала, и скоро, уже скоро «Заветы». Она уже из тамбура увидела его. Он стоял на остановке в белой футболке и голубых джинсах и высматривал в вагонах ее.

Человеку всегда приятно сознавать, что он в полной мере владеет собой. Если же это владение пошатнулось, в душу заползает неуверенность и страх. Вера была уверена в себе: в своей красоте и силе. А вот Сергей хотя и был не из робкого десятка, всегда сомневался: а

вдруг он делает что-то не то и не так. Он стоял на платформе и нервно курил. Приближалась электричка 10.57. Они договорились встретиться у первого вагона. Сережа сосредоточился.

--Привет, - она уже оказалась почему-то рядом с ним. Она напоминала мальчика-подростка и смотрела снизу вверх светлыми серо-зелеными глазами. На ней тоже были джинсы и как ни странно белая футболка с непонятным рисунком.

--Вы давно уже тут стоите, да? Вера посмотрела Сереже прямо в глаза.

--Да нет, - Сергей смутился. На самом деле он был очень рад и горд собой. Они пошли по асфальтовой дороге мимо табачных палаток и овощных ларьков, мимо рынка и сидящих на перевернутых деревянных ящиках бойких торговков в цветастых платках.

--Мы еще на озеро успеем, хотя по радио дождь обещали, но я думаю, - Сергей посмотрел на чистое голубое небо, дождя не будет.

Вот уже и знакомая калитка и дом с яблоневым садом: только около дома Вера увидела небольшого роста худенькую женщину тоже с короткой стрижкой темных густых волос.

--Здравствуйте. Вера посмотрела на женщину своими ясными глазами.

Женщина молча открыла дверь ипустила их в дом. И уже обращаясь к сыну:

--Ты чем гостью кормить-то будешь? – пристально и испытующе посмотрела на Веру.

--Да мы, мам, наверное, потом. Мы купаться поедem на озеро.

Сережа подсознательно обособил этим «мы» себя и Веру, а потом представил их друг другу:

--Это моя мама, Аня. А это- Вера. Вы проходите в мою комнату. Вера открыла дверь. С прошлого раза почти ничего не изменилось: те же картины, точно передающие настроение, иконы на верхней книжной полке и кактус на окне. Только за шкафом появился еще один диванчик, покрытый коричневым одеялом. А песочного цвета тахта стояла напротив окна.

--Ну что, готовы? Поедем, а то жалко время терять. И они вышли из дому. По дороге Сергей сорвал пару полосатых яблок и одно дал Вере.

--Поздний штрифель в союзе с коричневой. Понимаете, они переопыляются, получается как бы новый сорт,- пояснил он.

--Спасибо. А как мы поедem, я же не умею на велосипеде, а машины у вас нет.

--Вот велосипед. Мужской. Вы на багажник садитесь, я вам подушку взял, чтобы помягче ехать, а я за руль. Вера неловко пристроилась боком на багажнике.

--Да нет, Вы садитесь прямо и держитесь за меня. Хорошо? Вера села.

И они поехали, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, так что ветер бил в лицо. Вера держалась сначала за железные прутья сиденья, потом обхватила обеими руками Сережину талию и уже не снимала рук. Ощущение было восхитительное. Мимо проносились деревушки с домиками и курами, березы и поля. Вера посмотрела вверх на небо. Оно тоже двигалось. Облака шли прямо на нее. А Сереже были так приятны эти руки у него на талии и то, что ему доверяют, и то, что он впервые за последние 5 лет едет на озеро не один, а с женщиной, которая ему по-настоящему понравилась.

На озере

Сергей поставил велосипед у березы и быстро разделся. Улыбнулся Вере и вошел в воду. Вера стянула с себя джинсы и сняла футболку. Все-таки она немного волновалась. Вода была прохладная и чистая. Она медленно поплыла, стараясь ни о чем не думать. Это было блаженство! Озеро, правильной овальной формы сливалось с небом и казалось, что она плавает внутри синего прозрачного небесного шара, только если посмотреть на зеленый берег, спускаешься на землю. Так было хорошо, тихо. Она закрыла глаза и поплыла с закрытыми. Так она любила больше. И вдруг под ней как будто рыба проскользнула.

--Ах, это Вы-ыы... Вера улыбнулась.

--Хотите, я вас покатаю на спине? Вы только крепко за шею держитесь, а сами ничего не делаете. Попробуем?

Вера ухватилась и получилось так, что она почти легла на Сережину спину. Непривычно было расслабиться и ничего не делать: ни руками, ни ногами. Сергей набирал скорость. Вере было и страшно и приятно. Страшно, потому что они приближались к другому берегу. Она так далеко сама еще никогда не заплывала, а приятно от близости сильного мужчины. Как-то так привычно приятно. Вера чувствовала его плечи и дышала в затылок. И вдруг она оказалась у него на груди. Сергей сделал запрещенный трюк. Он неожиданно перевернулся и посмотрел ей в глаза. Вера испугалась и заробела. А он все рассматривал ее лицо как будто фотографировал на память. Потом резко притянул к себе и поцеловал в губы. Вера не сопротивлялась, напротив притихла и перестала бояться. Открыла глаза. Вокруг была вода. Берегов не было видно. Они были точно на середине озера. Вера не видела ничего кроме воды еще и потому, что очки оставила на берегу. Но несмотря на это, она не чувствовала себя не защищенной.

--А знаете, а я ведь все еще женатый человек, по паспорту, хотя пять лет уже живу один с мамой.

Вера широко открыла глаза. Ей показалось, что в этот момент она входит в сказку, только в какую-то страшную. Еще и без очков. Реальность стала отступать на дальний план. Она ощущала еще его поцелуй на губах и легкое кружение в голове, а он не в силах оторваться от нее, уже тысячу раз пожалел, что сказал правду. Он просто не мог ей врать.

--Вы знаете, я думаю так: все, что Вы мне рассказали, было в прошлой жизни. Там и осталось. А мы с Вами здесь и сейчас. Вера разжала руки и поплыла сама. Сергей плыл рядом и молчал. Было неловко. Они вытерлись полотенцами, оделись и поехали домой. Вере было легко и свободно, и ясно все. А Сергей мучился. Он решил больше не торопиться. А ей казалось, что эта новость просто шутка и чепуха и к нему самому никакого отношения не имеет. Они вошли в дом, мокрые и голодные. Вкусно пахло щами из кислой капусты. Мать стояла у плиты.

--Садитесь, пожалуйста, - пригласила она к столу. Вот сюда. А Ты, Сереж принеси еще один стул из моей комнаты, я с вами пообедаю. Вот и каша готова. Анна сняла кастрюльку с плиты, завернула ее в полотенце и поставила в подушки на кровать, чтобы не остыла. Раздала ложки, налила щи в тарелки, поставила хлеб и солонку. Наконец, села сама.

--Ну, кушайте на здоровье.

Вера неловко взяла в руку ложку.

Она не то, чтобы не любила чужих родственников, особенно матерей и отцов, просто они стесняли ее свободу. И еще за то, что надо было играть. А это всегда напряженно. К тому же она привыкла находиться в центре внимания. И потом она ведь подружилась с молодым человеком, а не с его мамой, и приехала к нему, а не к ней. Только с такой мамой как эта, она бы смогла подружиться...

Ночь

Эта мысль пришла ей в голову, когда Анна встала из-за стола, положила им кашу и вышла на крыльцо. Вечерело. Сережа включил лампу, и сразу все предметы приобрели совершенно другое таинственное очертание.

--Вы, пожалуйста, располагайтесь. Это – ваша тахта.

Вещи можете повесить на стул. Я выйду покурю, и Сергей закрыл за собой дверь. Вера разделась, критически осмотрела себя в длинном врезанном прямо в шкаф снаружи зеркале, надела черную кружевную комбинацию, специально взятую для этой поездки, легла под одеяло и затихла. Через некоторое время вошел Сергей, погасил лампу, было слышно, как в темноте он разделся и нырнул в кровать. Стало тихо. Вера ясно различила стук колес электрички, мягкое хождение кота по крыше, вздох матери в соседней комнате, тиканье будильника и Сере-

жино неровное дыхание. Она еще подождала немного в полной уверенности полагая, что он сам придет к ней и, желая этого, повертелась, повздыхала и так ничего и не поняв, неожиданно уснула. И приснился ей странный сон: как будто она лежит в комнате на зеленом диване, а по стенам на веревочках висят прозрачные хрустальные и расписные тарелки, и везде стоят старомодные комоды и зеркальные трельяжи, а она лежит и ждет. Вдруг к ней подходит секс-ангел в красной шапочке с помпоном и начинает целовать и обнимать, а, сделав свое дело, удаляется. Душа ее томится. Она ждет и в ожидании листает большую толстую книгу в серебряном переплете. Вдруг дверь широко открывается и на колени перед ней падает священник в золотой рясе с серебряным крестом на груди, целует ей ноги и заглядывая в глаза, шепчет.

--Марианна, Марианночка дорогая... вот я и пришел к тебе.

А она кладет голову к нему на колени и чувствует, что этого момента она ждала всю свою жизнь, ей становится так хорошо до задыхания. Он укрывает ее своей рясой, и они погружаются на такую глубину близости, что начинает кружиться голова, а вместе с ней цветные и хрустальные тарелки начинают вращаться. Книжки отражаются в зеркалах. И тут зазвонил телефон. Священник снял трубку. Ответы его лаконичны:

--Нет, она не поедет.

--Потому что выходит замуж.

Вера поуютней устраивается у него на коленях и вдруг просыпается. Темно. Молодой человек на диване у шкафа ровно дышит. Часы тикают. Электричек уже не слышно. Вере стало так пронзительно одиноко, что она не долго думая, встала и босиком подошла к кровати, где спал Сергей. Постояла, посмотрела на него спящего, наклонилась и легко поцеловала в щеку. Лицо Сергея осветилось изнутри, но он не проснулся. Тогда она поцеловала в другую. Не открывая глаз, он вынул правую руку из-под одеяла и почесал щеку. Он все еще спал. Тогда Вера набралась смелости и наклонилась к губам. И поцеловала. Долго не отнимала губ. Сергей удивленно открыл глаза, мгновенно все понял, но почему-то спросил.

--Вы что это вылезли из кровати?

--Пойдемте ко мне, пожалуйста, попросила Вера. Сергей не двигался и смотрел на нее во все глаза. Вера повернулась и пошла на тахту. Легла, стора со стыда. Снова стало тихо. И тут заскрипел диван, Сергей встал и пришел к ней. Вера подвинулась. Он лег под одеяло. Он оказался больше, чем она предполагала. И такой горячий весь. Пышет. От него шел жар. Вера протянула руку и погладила его по плечам, он порывисто повернулся, сильно обнял и впился в губы. Долго не отнимал, и уже лаская ее страстно и умело, возбуждал все больше. Голова Верина поплыла. Она потеряла чувство места и времени. Только это тело и эти руки... И вдруг сквозь ласки и объятия тихий голос, прерываясь:

--Я люблю Вас

и еще тише

--Я люблю тебя, Верочка....

Вера замерла. Ей еще никто такого не говорил. Такого и так. И сразу после ее сна: она уже не могла отделить, где сон, а где явь, так было все волшебным. Вера обняла Сережу, уткнулась в плечо и попыталась еще больше вжаться в него, еще глубже войти в его плоть. Так они двигались долго и ритмично, потом лежали молча, друг на друге, вдыхая новые для них обоих запахи тел и ощущая эти тела полностью до самой последней клеточки. Мыслей не было. Серега очнулся первым.

--Вера, только ты можешь мне это сказать. Я не знаю, по какому пути мне пойти, понимаешь, я хотел уехать за границу, в Швейцарию, в монастырь святого Антония и посвятить себя Богу... может быть даже позже стать священником. Вот и бумаги у меня все собраны, даже архиепископ московский подписал, дал добро, так сказать. А картины – это второй путь, пони-

маешь он ведь совсем другой, светский. Путь художника. Я не знаю, что мне делать. Решить надо через месяц.

Вера посмотрела на него своими ясными и удивленными глазами и сказала:

--Конечно, продолжать рисовать. Без вопросов.

Первая командировка

Главный признал Сергея и буквально через месяц отправил их с Верой в командировку на южный Урал в город Миасс. Степа был проницательным человеком и сразу почувствовал, чем тут пахнет. Он понимал Лебедеву лучше любого мужчины и любой женщины, потому что сам был голубым, и по пятым числам каждого месяца ходил в дискотеку Санта-Фе на набережной Москва-реки вместе со своим постоянным любовником. Но больше всего Степан Тихий заинтересовался работами нового автора. Он тоже знал в этом толк. В свое время провалился в Текстильном на художника-модельера, а вот теперь другие времена, Валька его по всем статьям переплюнул, хотя кто знает, он тоже не лыком шит – все-таки редактор крупного фотоагентства. Может этот новенький счастье ему принесет, кто знает. Главный выделил для поездки служебную «Волгу» и личного шофера дядю Федю попросил отвезти «нашу Верочку» в Шереметьево¹.

Уже была поздняя осень, по ночам случались заморозки, деревья оголились, небо стало низким и серым. Погода не радовала. В такие дни Сергей всегда впадал в легкую депрессию, вот и сейчас, когда все так хорошо сложилось: они работали с Верой вместе, она приезжала к нему на выходные, ходили в лес, собирали опята и рыжики, жарили картошку с грибами, вечером забирались под одеяло и читали вместе книгу о художнике Борисове-Мусатове, спорили о символизме и пытались представить себе, как бы они жили в «серебряном веке». Именно сейчас Сергей почувствовал себя на коне и в тоже время понял, что этого ему мало. Он всегда хотел большего и тосковал. А Вера просто радовалась, что она впервые едет с молодым человеком в свою первую командировку. В Миасс должны были приехать французы с новой фотовыставкой, за ними Степа гонялся давно и тут представился такой удобный случай, Вера должна была установить контакт, а Сергей привезти серию миасских снимков. Уральская природа и город сами по себе уникальны, и если повезет подписать с ними контракт на новый совместный каталог.

--Сереж, ты все собрал?

--Да, да все в порядке, что ты все дергаешься?

--Я просто спросила, - обиделась Вера, ты же молчишь всю дорогу.

--Ну ладно, не сердись. Как твое ухо? Не болит?

--Пока вроде нет. У меня при взлете никогда не бывает, только при посадке.

Самолет взмывал вверх и казалось, что он так и будет всегда лететь, как ракета вертикально, но потом выпрямился, и уже на определенной высоте летели ровно без воздушных толчков и перепадов. Вера попыталась представить себе, как будет в Миассе, но воображение ей отказало, тогда она проверила новенький японский диктофон, подаренный Степой на день рождения и свой старенький «Никон». Батарейки были на месте, светофильтры тоже, пленок 10 думаю достаточно, у Сереги столько же, отстреляемся по полной программе. Насчет работы она никогда не волновалась, ушли те времена, когда она дрожала над каждым снимком. Сейчас все просто: сказано - сделано. Она – профессионал, и в любую погоду и при любом настроении должна быть в форме и боевой готовности №1.

--Мы все на фронте, - любила шутить Вера на редакционных совещаниях. А вот сейчас в самолете она чувствовала себя как-то странно: с одной стороны профессионал – фотограф, с другой женщина. Вера подумала, что хорошо бы им дали один номер на двоих, ей вообще

не хотелось думать о работе, она была занята тем, что рассматривала профиль Сергея и свое отражение в стекле самолета.

--Смотри Сереж, как красиво... Вера увидела за стеклом белое воздушное поле и на нем, как будто мед в молоке, растворенное жидкое солнце. Хотелось его помешать ложечкой, чтобы оно растворилось до конца.

--Да, действительно красиво, похоже на картину Писсаро,-

Сергей был немногословен, сосредоточен, задумчив. Его волновала только предстоящая командировка и задание. В такие моменты он чувствовал себя предельно напряженным. Не хотел ударить лицом в грязь.

--Как ты думаешь, Вер, там есть лаборатория, хотя бы проверочные успеем отпечатать?

--Не знаю, я тоже в первый раз, - Вера влюблено посмотрела на него.

Прошло 4 часа. Вера спала, положив голову Сергею на плечо, а он все думал о предстоящих снимках, конечно, работа хорошая, что ни говори, но с каким наслаждением он взял бы сейчас в руки кисти, соскучились руки, глаза истосковались по краскам. По-настоящему хорошо он чувствовал себя только с кистью. Но платят прилично, и девушка эта, Верочка моя рядом... Самолет стал снижаться. Вера открыла глаза и побледнела:

--Уже?

--Да не бойся ты, взяла лекарства-то?

--Взяла.

Вера вся напряглась и похолодела. Она страшно боялась этих самолетных посадок, потому что от перепадов давления, как объяснил ей ее лечащий врач, давление внутричерепное тоже изменяется, и Ваше чувствительное ухо реагирует, а почему именно так, никто не знает, есть информация, что в Тибете лечат тиннитус, но Вы же не поедете в Тибет?

А пока Иван Иванович прописал ей лекарства, чтобы снизить острую, врывающуюся как вязальная спица в ухо боль, особенно при посадках.

В Миассе уже лежал снег. Он был голубоватый под фонарями и пах рыбой. Их почему-то никто не встречал, хотя телеграмму Главный лично отправил с Центрального телеграфа. Сережа повесил сумку на плечо и они отправились вперед по проспекту такси ловить. Вера с трудом отыскала в своей сумочке адрес, все-таки они очень надеялись, что их встретят, и четко отделяя слова, произнесла:

--Проспект Орджоникидзе, пожалуйста. Дом культуры работников Печати.

--Мы такого не знаем, - медленно проговорил водитель.

--Это на конце города, там еще типография и река ваша протекает, - Вера напрягла всю память.

--А Печатники, что ли, так бы и сказали, на берегу Оки стоит Дом ваш.

И старенький «Москвич», заурчав, тронулся. Вера облегченно вздохнула. Через полчаса они уже были в Доме печати, предъявляли пропуски, им выдали другую машину и, погрузив вещи, повезли в отель «Центральный» на другой конец города. В отеле Вера опять взяла инициативу в свои руки и попыталась поселить их вместе. Номер не прошел.

--Понимаете, мы должны вместе работать. Мы всегда так ездим и селят нас вместе,- вдохновенно добавила она.

--Сергей молчал, он понимал, что это бесполезно – доказывать работникам советского отеля красоту и романтику внебрачной любви, только нервы потрепать себе и старым девам, стоящим у стойки, он вообще выглядел каким-то отмороженным.

Им выдали ключи от разных номеров, но, слава Богу, хоть на одном этаже и они, уставшие, поднялись по красным коврам на 3-й этаж.

И только когда разбрелись по своим комнатам, поняли, насколько устали и как они в сущности одиноки. Оба, даже вдвоем. И Вера прекрасно понимала почему. Они ведь еще так

мало друг друга знают, и такая прекрасная возможность узнать поближе – эта командировка, а он все только о деле да о деле.

--Да не убежит от тебя эта работа !- хотелось крикнуть Верочке, но она сдерживала себя. И помывшись и переодевшись, тихо поскреблась в его комнату.

--Открыто,-

Сергей лежал в кровати, укрывшись, синим шерстяным одеялом.

--Ты что, уже спать? Вера присела на кровать и ласково погладила его по руке.

--Да, завтра трудный день,- Сергей повернулся на другой бок. Расстроенная Вера вышла.

Утром она встала, приняла душ, помыла голову, накрутилась, накрутилась и надушилась, надела красный польский костюм, этакая смесь делового стиля с эротическим, приталенный пиджак и короткая мини-юбка, высокие черные замшевые сапоги на каблучке, привезенные Палычем из Англии и проданные ей за полцены, и в боевой готовности смело постучала в номер Сергея. За дверью было тихо. Вера спустилась на первый. Сережа, чисто выбритый с кофером в руках, смотрелся орлом.

В вестибюле стали появляться французы. И скоро их весело щебечущая стайка во главе с переводчицей Ниной гуськом потянулась в подъехавший «Икарус». Вера включилась и начала работать: она законтила с шофером Львом, с переводчицей Ниной и пожилым французом Марселем, который немного знал по-немецки, проболтала с ним всю дорогу до выставочного зала, изредка поглядывая на Сергея, не ревнует ли, но тот казался невозмутимым, выяснила многие важные для Фотолаборатории вопросы и пересела на свое место рядом с Сережей.

--Вера, ты как, в порядке? - только спросил он.

--Я да, - сейчас жарко будет, готовься, выставка намечена до восьми вечера, представляешь, что это будет, еще мэр приедет и спонсор какой-то, всех надо обаять и брать горячими, а ты снимай, снимай, портретов побольше, они это любят, на природе оторвешься завтра, я выяснила с утра едем в Золоторожский заповедник, короче приехали.

На выставке она сразу же потеряла Сергея из виду и занялась обработкой французов, после перекуров она доставала свой старенький «Никон» и пощелкивала лица, но ничего интересного на ее взгляд здесь не было, хотя сама выставка была грандиозна: работы настоящих мастеров. Выставка, уже объехавшая полмира. Фотографии разных жанров и разных вкусов, цветные и черно-белые. Были и картины. Она изредка видела, как мелькала джинсовая куртка Сергея, видела, что тот не отнимает камеру от лица.

--Хорошо, пусть поработает,- с умилением подумала она.

Вдруг к ней подошла взмыленная полногрудая блондинка-переводчица Нина и жарко зашептала:

--Вер, уезжаем, французы проголодались, а в Доме уже столы давно накрыли, только нашу делегацию ждут, уже и автобус прислали, уходим коридорами.

И подхватив под руку не успевшую опомниться Веру, она увлекла ее на свежий воздух, а потом и в автобус. Дальше все произошло как в немом замедленном кино:

Вера села, французский руководитель Мишель пересчитал своих, сделал знак рукой шоферу « мол, поехали», и дядя Федя, не долго думая поехал, видно тоже проголодался. Вера молча и грустно ехала в автобусе, в голове разрабатывая план спасения Сережи, который остался на выставке. Когда подъехали к Дому она кинулась в ноги Федору, и сказала, что Сергей остался.

--Что же это Вы раньше дамочка думали, - сразу перешел на Вы дядя Федор и недовольно посмотрел на растрепанную Веру.

--Нет обратно через весь город не поеду.

- Что же теперь делать, он ведь адрес- то не взял, мы второй день в вашем городе, только вчера приехали...

-Хорошо, родная, уломала. Друг у меня Жора со смены пришел, у него своя тачка есть, щас спрошу, но с тебя бутылка, голуба...

--Ладно, ладно, поедем те поскорее...

Вера была вся на нервах, и всю дорогу до выставки курила, не забывая поглядывать в окно. Вдруг на каком-то проспекте она увидела Сергея, тот уверенно шел с довольной улыбкой пешком. Резко затормозили.

--Сережа, ты, что же это остался?

--А я думал ты меня подождешь..

--Ты что не понимаешь, это ж французы, - зашипела на него Вера. Они не ждут никогда и вообще ... и тут она расплакалась.

--Да ладно, что ты...сейчас пойдешь, покушаешь, выпьешь, расслабишься...

--А ты-ыы, протянула Вера сквозь рыдания...

--А я не пойду, устал очень, да и не люблю я застолья всякие.

Банкет был в самом разгаре, когда фотограф Лебедева в длинном черном вечернем платье и с ниткой жемчуга на шее вошла в зал. Стол был заставлен. Вера присмотрелась, на одном конце стола сидела парочка довольно приятных молодых людей

--Подсяду к ним, - решила она.

--О, к нам дама,- проговорил один с волосами до плеч, явно с удовольствием.

-- Я вас сама выбрала, - смело сказала Вера и попросила:

--Налейте мне, пожалуйста, красного вина, воо-он из той высокой бутылки. Длинноволосый налил. И себе тоже. И своему другу. Чувствовалось, что им уже хорошо. Но Верочка тоже быстро догнала до нужной кондиции, развеселилась и раскокетничалась вовсю. Потом вдруг погрузилась.

--А мой сидит в номере...

--Он сто, заболел? Шепеляво произнес очкастый друг.

--Нет, просто не любит большое скопление человеческих существ,- резко отбрила Вера.

--Ааа -, протянул волосатый, это поправимо и многозначительно посмотрел на Веру. Но Вера в этот момент отвлеклась на сцену: вышли девочки из кордебалета, как всегда бывает на таких банкетах под занавес выходят молоденькие танцовщицы и показывают русские ножки заграничным дядям, тут же за банкетным столом заключаются контракты. Вере стало так тоскливо, что она выпила еще пару рюмок водки и ощутила себя уже в таком состоянии невольного полета, когда голова кружится вдвое быстрее земного шарика. Двое молодых людей вели ее под руки по красному ковру третьего этажа, и Вера упрямо и четко произносила одну и ту же фразу:

--А он бы все равно не пошел, отведите меня в номер 34, он меня ждет.

Из 34-го действительно быстро вышел молодой мужчина в синем махровом халате и с полотенцем на голове:

Он резко выхватил Веру из рук провожающих и со словами:

--Это моя жена, толкнул ее к себе в номер.

Долгих разборок Сережа не любил, он прекрасно понимал в каком она сейчас состоянии, поэтому осторожно раздел ее и уложил в свою постель. Закрыв дверь своей комнаты на ключ, а сам пошел в Верочкин номер.

Утром он попытался тихо открыть дверь, стараясь не разбудить, но Вера уже проснулась и ждала его. Ей было ужасно стыдно за вчерашнее и хотелось что-то объяснить. Но когда она увидела Сережу, а он увидел ее, все изменилось. Сережа снял часы, свитер, джинсы и лег в кровать.

Лед

Временами он желал ее безумно. Сергею нестерпимо порой хотелось эту женщину: любить, целовать ее плоть, и засыпать рядом с ней. Она его действительно возбуждала: своей природной сексуальностью и какой-то невероятной ласковостью. И главное он понял, что начинает любить ее всю с телом и душой. Вера стала потихонечку прорастать в него своими корнями.

Они прекрасно выпались вдвоем в Сережиной постели и встали в очень хорошем настроении. На сегодня было намечено посещение Золоторожского заповедника. Они привели себя в порядок и подошли к автобусу первыми. В автобусе было жарко и тихо. После вчерашней пьянки все очень устали и чувствовали себя не в форме. А Вера и Сережа были на подъеме. Оба они светились какой-то внутренней радостью, хотя за окном автобуса было темно и тускло. Несколько километров по обеим сторонам дороги они видели только березы, так что в глазах зарябило, потом появились первые деревянные домики, похожие на туалеты. Это и был город Миасс. В заповеднике все тоже клевали носом и посматривали на часы, только Сергей бегал как лось и много фотографировал. Вере было все лениво, она еще вспоминала прошлую ночь и хотела повторения.

Она медленно бродила между уральскими самоцветами и северными цветами, рассматривали чучела ценных животных, уже занесенных в Красную книгу и мечтала. «Никон» болтался без дела в сумке.

--Вер, слушай давай отвалим... По-моему, тут лажа. Пойдем на природу, я такие сосны увидел и озеро тут недалеко, - предложил Сережа.

--А как же делегация? – слабо запротестовала Вера, ей тоже уже хотелось уединения.

--Но мы потом пешком дойдем до гостиницы, я дорогу выяснил. Не бойся, не заблудимся.

-- Хорошо. пошли. И Вера с Сережей, не сказав никому ни слова, вышли из заповедника.

Они побродили немного по близлежащим деревенькам, поснимали местных жителей и их убогое житье-бытье и направились в сторону озера Ильмень, и пока шли, их обогнал автобус и затормозил на остановке:

--Эй, вы, фотокоры,- крикнул из окна шофер дядя Федя, не замерзнете, мороз – то крепчает, садитесь, через 15 минут в гостинице будем, ужин как раз дожидается...

--Вер, ты садись, ладно, а мне хочется по озеру ... пешком.

--Как это, да ты что с ума сошел?

--Не бойся, я узнавал у местных, замерзло оно, до апреля не отойдет, а мне хочется попробовать, я пошел..

--Стой, Сережка, я тебя буду ждать на той стороне, видишь высокую сосну напротив наших окон, мы еще сегодня утром там, на мостике стояли, вот там я и буду тебя ждать.

И Сережа пошел. А Вера поехала. Так они разлучились на короткое время, чтобы потом снова встретиться. Вера ехала в автобусе, под мерное его покачивание в голове сложились слова:

Вера с Сережей в Миассе

Идут по горам

как брат и сестра, посвященные в тайны.

Слушают запахи снега,

Вверх поднимают глаза -

Корабельные сосны,

Древние камни.

Озеро Ильмень пытает.
Солнца лучи обжигают носы и уши.

А Сережа шел по льду. Странно, но под ногами вовсе не было толсто и надежно, как обещали старожилы, скорее наоборот: под ногами скрипело, а иногда даже хрустело от каждого нажатия ботинком. Сергея охватил страх, может повернуть, пока не поздно. Стало темнеть. Он ускорил шаг, четко придерживаясь направления: шел на высокую сосну, да в принципе заблудиться было невозможно, уже зажглись окна в домах. Только озеро оказалось больше и дорога длиннее, чем он предполагал. Он шел и шел, стараясь идти быстро и четко и не думать о страхе. Он теперь хотел только одного - дойти, и это дойти стало равносильно выжить, так напряжены были нервы. На темном уральском небе появились первые звезды и слабый месяц осветил небосвод. Сережа шел по льду. Кофр с фотоаппаратом больно бил по боку и страшно мешал. И почему люди не птицы? Хотелось взлететь и перелететь это чертово озеро. Нет, не могу больше. «Можешь», - сказал внутренний голос. И Сережа шел дальше. Вот уже и мостик показался вдалеке, стали четче его очертания. Он прибавил шаг, вдруг лед оглушительно громко в этой первозданной тишине затрещал, у Сережки сердце в печенки ушло. Но нет, пронесло, слава Богу. Он влез на мостик и оглянулся. Перед ним расстилалась ровная синяя гладь древнего озера Ильмень, усыпанное звездами небо и далекие огоньки соседних поселков. Веры на мостике не было.

Крещение Господне

Они потом еще долго вспоминали переход Сережи через Ильмень-озеро и не понимали, как смогли разминуться, ведь как утверждала Вера, она ждала целый час на мостике, замерзла вся и ооченела, видела какого-то человека, приближающегося к берегу, жутко обрадовалась, но это был не Сережа, потом она загрустила и ушла в номер.

--Эх, ты... не дождалась меня... Верочка.

--Я ждала, честно ждала, и ты подходил, то есть мне показалось, что это -- ты, а потом куда-то делся, - пыталась оправдаться Вера.

Командировка уже давно осталась позади, они привезли кучу отличных снимков, заключили контракт с французами на издание совместного альбома, Главный их похвалил и отправил на неделю в отпуск. Была середина января.

19-го Вера собралась и поехала к Сереже в «Заветы». Они договорились поехать вместе в Пушкино на праздник Крещения Господня.

Стояли сильные морозы, минус 25, не меньше. Вера надевала теплую меховую шапку-шарик и завязывала ее под подбородком, пушистые серые помпоны болтались на груди. Еще она носила зимой дубленку, которую ей подарила подруга, уехавшая в Израиль. И, конечно, теплые зимние кожаные сапоги на меху, спереди они зашнуровывались как коньки на золотые застежки. Раздумываясь Вера шла с двумя пакетами пластмассовых бутылок для святой воды. Рядом Сергей с фотоаппаратом через плечо в шерстяном тренировочном костюме и зимней куртке. На ногах у него были большие желтые ботинки.

--Сереж, так холодно ужасно, ты тепло оделся?

--Тепло, тепло, - успокойся.

--А мы сначала на службу пойдем, а потом на Пестовское водохранилище, да?

--Да, ты что никогда в церкви не была?

--Была, - обиделась Вера. Я с 17-ти лет хожу, но в московские, а в такой ни разу, я только в книжках читала про водосвятие на Руси.

--Пионерка Вера. Книжки - книжками, а жизнь есть жизнь, вот сегодня посмотришь, как оно на самом деле бывает.

- А ты снимать будешь Крестный ход?
--Конечно, зачем я по - твоему камеру с собой взял?
--А я бы в такую погоду работать не смогла.
--Понимаю, ты женщина, слабое создание, что с тебя взять...
--Сереж, хватит смеяться надо мной, на себя лучше посмотри.

Вера с Сережей подошли к Храму. Перекрестились и молча вошли. Служба еще не началась, только девушка в тоненьком шелковом белом платке читала Числа. Народу тоже было немного. Покупали свечи, писали записки прихожане, некоторые стояли у икон и молились. К Вере подступило радостное чувство праздника. Вышел батюшка в белой с золотом рясе и начал литургию: «Благословен Бог...» Сергей вынул камеру и прицелился. Он не впервые снимал храмовые праздники, часто делал фотографии специально для этого храма Благовещения, писал картины, но до икон дело не дошло и благословение он пока не получил. А батюшка Матвей был его давний знакомый. Сережа впрочем, был знаком не только с батюшкой, но и с дьяконом Петром, влюбленным в его мать.

Анна с Петром встречаться начали еще прошлой осенью, сначала вроде бы по делу – Анна узнавала расписание богослужений на новый год, потом Петр несколько раз приносил им домой кислой капусты нового урожая и святой воды, а Анна брала у него на прокат велосипед. Жил Петр Степанов на улице Кирова, что недалеко от вокзала, там еще в сквере памятник Ленину стоит. Жил один, был вдовец, жену похоронил в прошлом году, а следом и мать. В Анне он увидел женщину практичную и душевную, строгую и главное – одинокую. Так встретились два одиночества.

Сережа никогда не обращал внимания на личную жизнь своей матери, но в данном случае ухаживания были настолько явными и настойчивыми, и мама Аня на глазах хорошела и молодела, что Сережа понял, что это серьезно. Так пришла к Анне Петровой поздняя любовь.

Идя с Верой по тропинке к церкви, он вспоминал толстое рябое лицо дьякона и если честно, не хотел его видеть. На то была и другая причина: именно дьякон Петр присутствовал при его крещении в 14 лет, все тогда держалось в строгой тайне, узнай дома, его бы просто казнили, и поэтому неожиданное присутствие односельчанина напрягало подростка. Но это было так давно, сейчас у этого самого дьякона есть причина избегать смотреть в глаза Сергею.

Вера шла рядом, вся такая трепетная и приподнятая со свечкой в руке. Сергей вышел вперед и стал снимать крестный ход с разных ракурсов, то, забегая вперед, то, останавливаясь на одном месте. Руки краснели и мерзли, но в работе он никогда этого не замечал. Процессия двигалась к озеру и вдохновенно пела. Несмотря на мороз, люди несли в руках свечи и в сумках пустые бутылки и другую тару для святой воды. Наконец, батюшка ступил на лед, подошел к уже вырубленной в виде креста проруби и призвал всех прочитать молитву.

Люди начали негромко, но постепенно голоса окрепли, и стройно зазвучало в воздухе: «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое». Батюшка снял с себя серебряный крест и опустил в прорубь. Вода освятилась и люди, стоявшие поодаль и мерзнувшие у самой проруби стали робко подходить и черпать воду. Многие тут же пили ее, а один мужчина разделся до трусов и прыгнул в прорубь, с головой окунулся, веселый выскочил. Люди набирали воду и уходили довольные, а Вера все стояла в дубленке, мерзла и никак не могла решиться.

--Верочка, что ты стоишь, глупенькая, не бойся, подойди поближе. Давай сюда свою бутылочку. Сергей расшнуровал ботинки, поставил их на снег, потом снял носки, засучил джинсы и по льду босиком пошел к крестообразной проруби.

--Да ты что, Сереж, заболеть хочешь? Не смей раздеваться, зачем ты эпатируешь публику? Одень ботинки, я тебя прошу!

--Ничего со мной не случится, не бойся.

-Нет, это глупо просто. Зачем босиком?

Но Сережа не слушал Веру. Он взял из ее рук бутылку и свои два бидона, засучил джинсы еще повыше и уже наклонялся и черпал из проруби святую воду, а набрав все сосуды полными, радостный подошел к ней:

- Держи крепко, малOVERная ты моя.

У врача

Мать относилась к вере в Бога сдержанно. Иконы в доме, конечно, были и крещена она была в детстве, но в церковь ходила редко, только по большим праздникам, и сына своего, рожденного вне брака, не приучила. И вот теперь, когда дьякон ходил к ней, вообще все пошатнулось. В глубине души Анна рассуждала так: духовный человек, а падок на простую женскую плоть, не должен он был так с ней; с другой стороны – все мы грешные, и какая это радость полюбить, почувствовать себя снова женщиной, пусть даже и в шестьдесят с лишним. Может быть, это последний мужчина в ее жизни? Такие мысли стали все чаще приходить Анне в голову, особенно после посещения гинеколога на прошлой неделе. Такой гадкий день выдался, что вспоминать тошно. Но Анна ничего не забыла. А рассказать такое она никому не могла: ни Петру, ни сыну. Только Людке подружке-неразлучнице и поведала:

--У меня обнаружили опухоль – уплотнение в груди.

Я как бы в шутку, но с тайной надеждой спросила:

--Может, отрежете?

Врачиха сурово нахмурилась и коротко бросила:

--Посмотрим.

Сердце упало.

Потом гинеколог выписала направление на анализ в другую поликлинику, так как в нашей почему-то этот анализ не делали, и я поехала из 67-ой в 85-ую.

Отсидев двухчасовую очередь, вошла в кабинет.

--Вы откуда? – резко и зло спросила врач-гинеколог, и вдруг бросив взгляд на мою карту, закричала пронзительно:

--С улицы Плотникова! Не приму, я вас не приму. Идите туда, откуда пришли. Ходят тут всякие...

Я чуть не заплакала, ну ты ж меня знаешь, сдержалась. Закрыла молча дверь и поехала обратно, из 85-ой в 67-ую. «Моя» врачиха уже закончила рабочий день. Дверь была закрыта. Я пошла в кабинет заведующей. По коридору мне навстречу шла высокая полная женщина с копной ярко-рыжих волос и черными хлопающими ресницами. Она громко на весь коридор крикнула:

--Ну что там у вас?

Я тихо попросила:

--Может быть, пройдемте в кабинет?

-- Пройдем, нехотя согласилась она.

В кабинете мы пробыли только 2 минуты, вышли обе, совершенно не понимая, зачем входили. И уже на ходу, убегая в подвал за заказами, заведующая прокричала мне:

--Поезжайте в 67-ую, возьмите резолюцию на анализ у Главного врача.

Приезжаю уже во второй раз в 67-ую, беру резолюцию и возвращаюсь в 85-ую, иду в кабинет дежурного врача.

Наконец-то меня приняли. Мы даже разговорились. Врач стала искать у меня сочувствие, словно оправдываясь за свои недавние выкрики.

--Вы только подумай те, ставок нет, денег нет, медперсонала нет. Даже уборщиц, и тех нет. И как прикажете работать?

Поймите меня тоже, не могу я всех принимать, уж если Вы мучились, я вас приняла.

--Но почему так? Почему у нас так всегда?

--Скажите спасибо, что Вас приняли, - врачаха как козырной картой била с размаху.

--Да, меня Вы приняли, - не сдавалась Анна, но таких как я много, а жить нам осталось не так уж и много, - в сердцах добавила она.

Врач тоже не выдержала:

--А нам — то что...

Когда Анна вышла из кабинета, она поняла, что переборщила. - Зачем она прибавила в сердцах про жизнь: да результаты анализов плохие, но не настолько, чтобы в колокол бить. Вот и врачаха та невоспитанная тоже ясно сказала, что в операции нет пока необходимости, да и вообще это уплотнение может рассосаться, за месяц или два. Надо посмотреть, что она мне там за лекарства выписала. Попью, а лучше народные средства попробую, почитаю книжек, может даже на семинары похожу, и поможет, определенно поможет, надо только денег не жалеть и все будет в порядке.

-Так,- рассуждала пациентка Петрова и сама себя успокаивала. На самом деле дела у нее были неважные. Левый снимок ясно показал почти полное затемнение, что свидетельствовало уже о начале средней степени рака груди. Да и с легкими было не все в порядке. Только невежество врачей районной поликлиники оттянуло на время знакомство с убийственным диагнозом и полное понимание происходящего.

В эвакуацию, к отцу

Анна спала и видела странный сон, который оборвался, достигнув эмоционального подъема. Анна проснулась. Была ночь. Тяжелой, непослушной рукой в темноте она нашла шнурок ночной лампы и неуверенно потянула его вниз. Щелчок, и загорелся зеленоватый неяркий свет, открыв пространство маленькой спальни комнаты. Анна лежала с открытыми глазами, вспоминая увиденный сон, преодолевая волнение и собирая разрозненные фрагменты в единое целое, пытаясь понять, что же она увидела. Память Анны спустя много лет вдруг открывала ей давно забытые моменты ее жизни, от которых не осталось даже пожелтелых фотографий. Правда на столе в доме все еще лежала старая скатерть, вышитая ее матерью. Трудное военное детство, поспешная эвакуация из подмосковного Долгопрудного в Среднюю Азию. Немецкие войска стояли непозволительно близко. Анна тогда была еще ребенком, она плохо понимала слова «война», «фашисты». Загородительная цепь дирижаблей на подходе к Москве казалась ей стаей рыб, плывущей в небе, а проезжавшие по шоссе зенитные расчеты чем-то важным и нужным. Аня была ребенком, и все, что происходило вокруг, мало образованная, постоянно чем-то озабоченная мать объяснить не могла. Но каким-то внутренним чувством она все понимала и знала. Последние дни мать часто говорила о том, что они уедут из своего дома далеко и часть вещей, которые придется оставить, достанутся кому-то чужому. Аня видела и чувствовала в глубине души, что мать озабочена совсем не этим, а чем-то другим. Сам переезд к новому месту жительства Анна не помнила. Только суета, сутолока, крики, да потный лоб матери из-под сбившегося на макушку платка. Да и что могла она помнить, путаясь под ногами в толпе эвакуируемых. Даже своих двух братьев, таких же как и она маленьких, закутанных во все, что только можно, безмолвных и напуганных, она не помнила совершенно, но содержание сна подтверждало, что - то, что явилось из глубин памяти, таких далеких и до поры до времени нетронутых, правдиво и было когда-то на самом деле. Она лежала буквально ошарашенная сном, собирая воедино мозаику образов. Она не помнила точно место, где они тогда были. Был ли то Самарканд или Ташкент... Верблюды, огромные, горбатые с длинными жилистыми ногами, навьюченные мешками и отцовскими рюкзаками, деревянными сундуками, картонными и железными коробками, в которых лежали разные непонятные штуки с круглыми стек-

лами. Анна хорошо знала, что лежит в этих ящиках: это отцова работа. Отец часто приносил с работы разное топографическое оборудование. Однажды они провожали его в командировку. Аня смотрела и понимала, что отец среди всех главный – самый высокий и главный, в кепке, брезентовом плаще и кирзовых сапогах. Несколько раз к отцу подбегал погонщик верблюдов старик-узбек, и размахивая камчой перед носом, о чем-то спорил, часто повторяя «мой бербуд пятьсот рублей стоит». Отец зло смотрел на него и тихо ругался матом, остальные молчали. «Топографический караван» в конце концов, ушел, оставив после себя тоскливую тишину и холодный ветер, покрывающий все в округе серой пылью да незнакомый холодный того же цвета песок. Анна стояла, жевала губами и пыталась вымолвить слово. В конце концов, один из братьев скорчил гримасу и заревел, через мгновение заревел и второй. Проводы закончились и пора было возвращаться в чужой необжитый дом, а их родной, настоящий уже горел под артиллерийскими обстрелами на подступах к Москве. Заревела и мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.